

4

ИЗБРАННЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА

КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

(Ausgewählte Gedichte von W. K. Küchelbecker.)

ШО-ДЕ-ФОНЪ:

Ф. Н. БУТУРЛИНЪ.

1880.

*Издание
В. В. Кавья*
ИЗБРАННЫЯ *№ 4*

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА

КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

(Ausgewählte Gedichte von W. K. Küchelbecker.)

ШО-ДЕ-ФОНЪ:
Ф. И. БУТУРЛИНЪ.
1880.

R4 XIV A-31446

4 XIV A

31446

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

(Биографическій очеркъ.)

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ воспитывался въ Лицеѣ съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, княземъ Горчаковымъ, Корфомъ и другими, успѣлъ хорошо въ наукахъ и отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ, которое онъ называлъ поэзією, раздражительностью, которую можно было употреблять въ хорошую и дурную сторону. Онъ былъ худощавъ, долговязъ, неуклюжъ, говорилъ протяжно, съ нѣмецкимъ акцентомъ. По выходѣ изъ Лицея, былъ онъ учителемъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій, потомъ поѣхалъ секретаремъ при Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ, который-было полюбилъ

его, но вскорѣ принужденъ былъ съ нимъ разстаться. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ свелъ знакомство съ нѣкоторыми либеральными литераторами, и вздумалъ прочесть на французскомъ языкѣ лекцію въ Атене о литературѣ и политическомъ состояніи Россіи, проникнутую идеями, которыя тогда (въ 1820 году) были въ модѣ. Часть публики осталась равнодушною; другая рукоплескала его выходкамъ. Въ концѣ рѣчи онъ сдѣлалъ какое-то размахистое движеніе рукою, стибъ свѣчу, стаканъ съ водою, хотѣлъ удержать — и самъ слетѣлъ съ кафедры. Одинъ сѣдой якобинецъ, слушавшій его внимательно, поддержалъ его словами: „Ménagez vous, jeune homme! Votre patrie a besoin de vous.“ Нарышкинъ, узнавъ объ этомъ, взбѣсился и отказалъ Кюхельбекеру отъ мѣста, и тотъ погибъ бы въ Парижѣ безъ помощи благороднаго Василія Ивановича Туманскаго (писателя съ замѣчательнымъ талантомъ, неизвѣстно почему оставившаго службу и свѣтъ); онъ же помогъ Кюхельбекеру возвратиться въ Россію. Здѣсь онъ жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ; издавалъ въ Москвѣ съ княземъ Одоевскимъ

журналъ „Мнемозину“; потомъ участвовалъ въ разныхъ изданіяхъ петербургскихъ.

Пушкинъ любилъ Кюхельбекера, но часто и жестоко надъ нимъ подшучивалъ. Однажды Жуковскій былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили на другой день, отчего онъ не былъ, тотъ отвѣчалъ: „Мнѣ что-то нездоровилось ужъ наканунѣ; къ тому же пришолъ Кюхельбекеръ — и я остался дома.“ Пушкинъ написалъ:

За ужиномъ обѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И *кюхельбекерно* и тошно.

Кюхельбекеръ взбѣсился и вызвалъ его на дуэль...

Кюхельбекеръ служилъ въ 1824 году и на Кавказѣ, гдѣ пріятелемъ его былъ Грибоѣдовъ, встрѣтившій его у меня... Въ Петербургѣ онъ занимался литературою, и въ послѣднее лѣто (1825 года) жилъ у меня, когда семейство мое было на дачѣ. Въ сентябрѣ онъ отъ меня выѣхалъ и поселился въ домѣ Булатова, что нынѣ Китнера (на углу Почтамской

улицы и Исакиевской площади). Въ обвинительномъ актѣ сказано, что онъ приступилъ къ Обществу вмѣстѣ со многими другими; потомъ, что его приняли послѣ получения извѣстія о смерти Александра, или даже наканунѣ происшествія. Въ воскресенье 29-го ноября онъ обѣдалъ у меня, былъ тихъ, скромнѣе, изъявлялъ сожалѣніе о смерти государя, и прибавлялъ, улыбаясь: „Добрый былъ человекъ Александръ Павловичъ; другой царь не такъ поступилъ бы со мной.“ 14-го декабря, когда я въ собраніи моего семейства (изъ постороннихъ были только: Булгаринъ, племянникъ его, генеральнаго штаба подпоручикъ Д. А. Искрицкій и маклеръ Толченновъ) читалъ манифестъ, раздался громкій звонъ колокольчика въ передней — и вошелъ Кюхельбекеръ, разстроенный, со взглядомъ театральнаго бандита, и не здороваясь ни съ кѣмъ, подошелъ и спросилъ у меня: „Qu'est ce que vous lisez là? Je crois que c'est le manifeste?“ — „Oui, c'est le manifeste. Ecoutez!“ отвѣчалъ я и продолжалъ чтеніе. Когда я остановился на одномъ какомъ-то пунктѣ, онъ спросилъ по русски: „А позвольте узнать, отъ

какого числа отреченіе Константина Павловича?“ — Я отвѣчалъ: „Я и не видалъ. Посмотримъ — отъ 26-го ноября.“ — „Отъ 26-го“, возразилъ онъ, „хорошо; прощайте!“ — Булгаринъ, съ которымъ онъ въ то время былъ на ногахъ, сказалъ ему, подавая руку: „Здравствуйте, Вильгельмъ Карловичъ!“ — Онъ отвѣчалъ: „Здравствуйте и прощайте!“ Съ этими словами онъ ринулся изъ комнаты. Матушка спросила у меня, что съ нимъ сдѣлалось? — „Ничего“, отвѣчалъ я, „вѣроятно пишетъ оду на восшествіе на престолъ.“ Это было часу въ двѣнадцатомъ утра. Вскорѣ потомъ актеръ Каратыгинъ и еще кто-то встрѣтили его идущаго въ изступленіи къ Исакиевской площади. „Слышали ли вы“, спросилъ одинъ изъ нихъ, „на Исакиевской площади бунтъ.“ — „Знаю“, отвѣчалъ онъ, „это наше дѣло.“

Поведеніе его на площади описано въ книгѣ барона Корфа, который однако, щадя школьнаго своего товарища, не называетъ его по имени. Онъ мѣтилъ пистолетомъ въ великаго князя Михаила Павловича... Достоинъ замѣчанія, что люди смѣтливые и проворные не успѣли

бѣжать, а разсѣянный и неловкій Кюхельбекеръ ушолъ изъ Петербурга, и ушолъ бы за границу, если бы самъ не испортилъ дѣла. Когда стало извѣстнымъ, что Кюхельбекеръ бѣжалъ, приняты были всѣ средства, чтобы узнать гдѣ онъ и схватить его. Въ самый день 14-го декабря, часу въ первомъ ночи, когда всѣ въ домѣ у меня улеглись спать, раздался громкій звонъ колокольчика у дверей. Я вскочилъ съ постели, накинулъ на себя халатъ и вышелъ въ гостиную. Двери отворились и вошелъ полицеймейстеръ Чихачевъ, сопровождаемый отрядомъ Санта - Хермандада, квартальными, жандармами, драгунами и т. п. Не извиняясь въ томъ, что потревожилъ меня, онъ сказалъ мнѣ: „Извольте отвѣчать на эти вопросы“ — и подавъ мнѣ бумагу, на которой было написано: „Гдѣ живетъ Кюхельбекеръ? гдѣ живетъ Каховскій?“ При этомъ имени написано было въ скобкахъ (у Вознесенскаго моста, въ гостинницѣ Неаполь, въ домѣ Мюссара). Было еще нѣсколько именъ, которыхъ не упомяну. Я отвѣчалъ: „Кюхельбекеръ живетъ, сколько я знаю, неподалеку отсюда въ

домѣ Булатова. У Каховскаго адресъ поставленъ, но вѣрно ли — мнѣ не извѣстно. О прочихъ не знаю.“ — „Точно ли такъ?“ спросилъ Чихачевъ. — „Точно!“ — „Знаете ли вы, кто написалъ это? самъ государь.“ — „Хорошо пишетъ“, сказалъ я. Полицеймейстеръ откланялся.

Въ четвертокъ, 17-го декабря, пришелъ ко мнѣ братъ мой, стоявшій въ караулѣ въ Зимнемъ Дворцѣ двое сутокъ. Мы пошли съ нимъ пройтись по улицамъ, и около четырехъ часовъ подошли обратно къ моей квартирѣ (въ домѣ Бремме, на углу Новоисакиевской улицы и Исакиевской площади). Я спросилъ, будетъ ли онъ у меня обѣдать. Братъ извинился тѣмъ, что не хочетъ въ нынѣшнее смутное время оставить свою роту. Вдругъ увидѣли мы жандарма, который усиливался разобрать прозваніе домохозяина на бляхѣ дома. „Кого тебѣ надобно?“ спросилъ я. — „Въ домѣ Бремме ищу коллежскаго совѣтника Г—а.“ — „На что тебѣ?“ — „Оберъ-полицеймейстеръ проситъ его прійти тотчасъ къ нему.“ — „Я этотъ Г—ъ“, отвѣчалъ я, „ступай и скажи, что я

сейчасъ буду.“ Съ тѣмъ вмѣстѣ сказать я брату: „Ты знаешь куда я иду. Если не ворочусь, отыщи меня и приходи ко мнѣ.“ Нанялъ извозчика, заѣхалъ къ Булгарину, жившему въ Офицерской, въ домѣ Струговщикова, нынѣ Солькаго, и объявилъ куда ѣду. Когда я вошелъ въ гостиную оберъ-полицеймейстера А. С. Шульгина, онъ хватилъ полный стаканчикъ рому, вѣроятно съ утра уже не первый, и сказалъ мнѣ довольно учтиво: „Я долженъ попросить у васъ объясненія по одному дѣлу, и прошу васъ сказать сущую правду, по долгу чести и присяги.“ — „И безъ этого предисловія, во всякомъ случаѣ скажу вамъ сущую правду. Что вамъ угодно знать?“ — „Знаете ли вы Кюхельбекера?“ — „Знаю, и очень коротко: онъ жилъ у меня все нынѣшнее дѣто.“ — „И вы его узнаете, когда вамъ его покажутъ?“ — „Непремѣнно.“ — „И такъ пожалуйста.“ Онъ ввелъ меня въ другую комнату. Тамъ поднялся съ sofas высокій, худощавый молодой человѣкъ. — „Кюхельбекеръ ли это? — „Нѣтъ.“ — „А кто онъ?“ — „Не знаю.“ — Тогда молодой человѣкъ возопилъ жалкимъ голосомъ: „Какъ это,

Николай Ивановичъ, вы не хотите узнать меня? Сколько разъ видалъ меня у Александра Ѳедоровича Воейкова. Я Протасовъ, племянникъ Александры Андреевны.“ — Я взглянулъ и вспомнилъ, что дѣйствительно его тамъ видалъ. „Довольно“, сказалъ Шульгинъ, „намъ нѣтъ нужды знать кто онъ; довольно того, что онъ не Кюхельбекеръ.“ — „Въ этомъ я могу васъ увѣрить“, сказалъ я, „да какъ вы попали на этого господина?“ — „Мы ищемъ Кюхельбекера, по сообщеннымъ намъ примѣтамъ. Вотъ полиція нашла этого долговязаго господина, какъ онъ кутилъ въ загородныхъ трактирахъ, и наложила на него руку. Извините, что я васъ обезпокоилъ.“ — „Очень радъ, что не больше“, отвѣчалъ я и попросилъ скорѣе отпустить невиннаго.

Полиція искала Кюхельбекера по его примѣтамъ, которыя описалъ Булгаринъ. очень мѣтко. Но въ Петербургѣ Кюхельбекера не было. Онъ, не знаю какъ, пробрался до Варшавы и оттуда легко успѣлъ бы уйти за границу; если-бъ онъ говорилъ и имѣлъ дѣло только съ Поляками и жидами, то вѣроятно ускользнулъ бы отъ поисковъ; но судьба на-

вела его на русскихъ. Онъ вошелъ въ одну харчевню или пивную лавочку въ Прагѣ (предмѣстѣ Варшавы) и, увидѣвъ пирующихъ тамъ солдатъ, сѣлъ съ ними, началъ бесѣдовать и подчивать ихъ пивомъ. Въ этой бесѣдѣ открылся онъ весь какъ былъ и какъ описанъ въ примѣтахъ. Одинъ изъ присутствующихъ, унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Григорьевъ, догадался, кто долженъ быть этотъ угоститель, и закричалъ: „Братцы, возьмите его: это Кюхельбекеръ!“ Его схватили, заковали и отправили въ Петербургъ... Кюхельбекеръ не былъ посланъ въ Сибирь а сидѣлъ нѣсколько лѣтъ на гауптвахтахъ въ Финляндіи и въ западныхъ губерніяхъ. Между прочимъ содержался онъ въ Динабургской крѣпости, но ходилъ на свободѣ и занимался обученіемъ дѣтей коменданта...

Его приговорили на 20 лѣтъ каторжной работы. Переживъ нѣсколько времени въ Шлюссельбургской крѣпости, былъ онъ переведенъ въ Динабургскую, гдѣ проживалъ свободно до 1831 года. Въ 1831 переведенъ былъ въ Ревель, оттуд авъ Свѣборгъ; въ послѣдней крѣ-

пости прожилъ до пяти годовъ и съ концемъ 1835 года былъ высланъ этапами въ Баргузинъ въ Восточной Сибири. Въ 1839 году его заключили въ Акшинскую крѣпость, но въ 1844 былъ отпущенъ въ Смоленскую Слободу Тобольской Губерніи, гдѣ остался до смерти въ половинѣ Іюля 1846 года. Кюхельбекеръ оставилъ сына и дочь, но не извѣстно ихъ мѣстопробываніе.

Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ, братъ Вильгельма, но мало на него похожій, твердый характеромъ, скромный, хорошій морской офицеръ, правдивый и неуступчивый... Михаилъ Кюхельбекеръ увлеченъ былъ въ заговоръ, вѣроятно, дружбою съ Николаемъ Бестужевымъ и Торсономъ и безропотно подвергся постигшему его жребію. Братья не видались во все продолженіе процесса. Когда ихъ вывели изъ каземата (13-го іюля 1826 года) на гласисъ Петропавловской крѣпости, для выслушанія приговора, восторженный Вильгельмъ, еще болѣе размягченный въ тюрьмѣ, кинулся къ Михаилу со слезами и съ восторженными словами о покойніи, раскаяніи, покорности судьбѣ и т. п. Михаилъ

отвѣчалъ твердо и спокойно: „Я зналъ, что дѣлалъ, зналъ, что произойдетъ изъ этого и безропотно подвергаюсь наказанію!“ Когда ссылаемымъ въ Сибирь предложено было, въ напутствіе, исполнить долгъ христіанскій покаянемъ и причащеніемъ святыхъ тайнъ, Вильгельмъ, приобщившись съ глубокимъ чувствомъ и горькими слезами, просилъ пастора смягчить затвердѣлое сердце его брата. Михаилъ встрѣтилъ пастора учтиво, почтительно, но спокойно, и сказалъ: „Не чувствую теперь необходимости приобщаться. Бду въ Сибирь по рѣшенію правительства, какъ, бывало, отправлялся въ походъ. Не зная за собою ни какого грѣха, думаю, что могу ѣхать и такъ.“ Онъ отправился въ Сибирь, и безмолвно исполнялъ всё, что отъ него требовалось. По минованіи годовъ каторги, онъ перешелъ на поселеніе, и тамъ познакомился съ одною молодою дѣвицею (кажется, дочерью священника), женился на ней и былъ совершенно счастливъ. Что-жь? Чрезъ нѣсколько лѣтъ узнали, что онъ когда-то крестилъ съ нею ребенка — и бракъ былъ расторгнутъ на основаніи богопро-

тивнаго закона о духовномъ родствѣ. Что было съ нимъ потомъ — не знаю. Думаю только: должно же непременно быть возмездіе на томъ свѣтѣ за бѣдствія, притерпѣваемые людьми въ нынѣшнемъ, отъ варварскихъ законовъ, вымысленныхъ невѣжествомъ, злобою и фанатизмомъ.

О КОНЧИНѢ М. К. КЮХЕЛЬ-БЕКЕРА.

(Письмо къ издателямъ „Колокола“,
1-го ноября, 1859.)

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ *Барузину* (защитномъ городѣ Забайкальской Области Восточной Сибири) скончался *Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ*, одинъ изъ дѣятелей 14 Декабря, братъ поэта. До конца своей жизни онъ остался вѣренъ убѣжденіямъ, которыя повели его въ ссылку; не смотря на крайнюю бѣдность, съ которой боролся до могилы, онъ отличался самой неукоризненной честностью, прямымъ характеромъ, говорилъ правду рѣзко въ глаза.

До 14 декабря М. К. Кюхельбекеръ былъ морскимъ гвардейскимъ офицеромъ, ходилъ кругомъ свѣта и объ этомъ времени любилъ рассказывать — это было для него лучшимъ воспоминаніемъ въ жизни.

Михаилъ Карловичъ давно уже поселился въ Баргузинѣ, гдѣ онъ съ трудомъ, кое-какъ перебываясь, прокармливалъ семью свою, живя въ убогомъ домѣ, который долгое время стоялъ безъ крыши, потому что не хватало у него средствъ ее сдѣлать. Но и въ этой глуши, не смотря на недостатки и лишенія, онъ не оставался безъ дѣятельности. Бѣдный городишка не имѣла ни врача, ни аптеки; Михаилъ Карловичъ насколько могъ выучился медицинѣ и сталъ подавать пособіе больнымъ. Много лѣтъ продолжалось это полезное и въ высшей степени безкорыстное служеніе обществу; старика всѣ знали, всѣ любили и уважали въ городѣ и окрестностяхъ, многіе были обязаны ему за спасеніе жизни, за дружескій уходъ полный участія во время болѣзни. Лечилъ онъ на свои гроши, никогда ни отъ кого не принималъ платы за леченіе и лекарства,

никогда не отказывался придти на зовъ больного, а больные эти были бѣдняки, простолюдины. Такъ прошла жизнь этого достойнаго человека въ глухомъ уголку Сибири и недавно смерть застигла его, внезапно, за дѣломъ, у постели больного, которому онъ пришелъ помочь быть можетъ за послѣднюю свою гривну.

Много горя испыталъ Михаилъ Карловичъ на своемъ вѣку, кромѣ бѣдности, но онъ никогда не говорилъ о немъ съ людьми даже самыми близкими. Женатъ онъ былъ на баргузинкѣ и имѣлъ 6 дочерей. Трудно было ему жить, честность его отвергала всякое пособіе (такъ онъ никогда не хотѣлъ пользоваться пенсіей 114 р. с., назначенной правительствомъ ежегодно всѣмъ политическимъ изгнанникамъ), съ большимъ трудомъ можно было уговорить его взять денегъ взаймы, это случалось очень рѣдко и только въ крайнихъ случаяхъ онъ соглашался на просьбу. Но главной горю его было еще невыносимѣе. *Много лѣтъ спустя послѣ его женитьбы, поплъ донесъ* архіерею, что онъ женатъ на своей кумѣ — пошло дѣло, Синодъ приказалъ разторгнуть бракъ, признавъ только двухъ

дочерей законными, а остальные четыре остались безъ имени, а потому и безъ средствъ получить воспитаніе. Нѣсколь-ко разъ просилъ отецъ о признаніи дочерей законными, мудрое правительство постоянно ему въ этомъ отказывало, забывая при этомъ, что Кюхельбекеръ былъ протестантъ, могъ не знать законовъ русской церкви, что виноватъ былъ пошъ допустившій его въ воспріемники ребенка чуждой ему вѣры и затѣмъ обвинявшій на кумѣ.

Теперь уже поздно каяться въ этой духовно-административной безнравственной мѣрѣ, страдалецъ сошелъ уже съ пути, не увидавъ родины, куда, не смотря на амнистію, ему не на что было вернуться — но помочь бѣднымъ дѣтямъ не поздно, отдать имъ невиннымъ имя отца справедливо, подумать о ихъ воспитаніи — обязанность совѣсти тѣхъ, кто лишилъ ихъ всего съ колыбели.

А Р Г У Н Ь.

Еще одну я къ тѣмъ рѣкамъ причин-
[слилъ,
Которыхъ берегъ я, скиталецъ, посѣ-
[тилъ —
И тамъ, съ утратою своихъ сердечныхъ
[силъ,
Терзался и молчалъ, но чувствовалъ, но
[мыслилъ,
Разлуку вѣчную предвидѣлъ — но лю-
[билъ.
Да, вотъ и эти дни какъ призракъ про-
[летѣли!

До гроба ли ты будешь молодымъ,
Мучитель-сердце? Ты скажи: ужели
Всегда блуждать, стремясь къ недости-
[жимой цѣли,
Твоимъ желаніямъ несатымъ и слѣ-
[пымъ?

Любить и мыслить... Почему-ж не
[может
Не мыслить, не любить душа моя?
Какой ее злой духъ безъ устали трево-
[житъ
И хочеть, и велить, чтобъ вѣчно тра-
[тиль я?
Увы! съ послѣднимъ другомъ расста-
[ванье!
По-крайней-мѣрѣ безъ пятна!
Хоть это сохранитъ воспоминанье
И думъ и чувствъ моихъ скудная глубина.
Шуми же, о Аргунь, мое благословенье!
Ты лучше для меня, чѣмъ пасмурный
[Ононъ:
И тамъ мнѣ было разлученье;
Но передъ тѣмъ меня прельщаль безум-
[ный сонъ,
И чуть не умертвило пробужденье.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Видалъ ли ты, какъ вѣтеръ предъ собою
По небу гонить стадо легкихъ тучъ?
Одна несется быстро за другою,
На мигъ прерветъ злаго солнца лучъ —

Покроетъ поле мимолетной тѣнью,
За тѣнью тѣнь найдетъ на горы вдругъ,
Вдругъ итъ ея, все вновь свѣтло вокругъ,
И солнце вновь, послушное велѣнью
Создателя, надъ облачной грядой
Парить, на землю жаръ свой благодатный
Льетъ съ высоты лазури необятной
И, блеща, продолжаетъ подвигъ свой.
За племенемъ такъ точно мчится племя
И жизнь за жизнью и за вѣкомъ вѣкъ:
Не тѣнь ли даже гордый человѣкъ?
Людей съ лица земли стираетъ время,
Вотъ, какъ ладонь бы стерла со стекла
Паръ отъ дыханья; годы ихъ дѣла
Уносятъ, какъ струя тотъ слѣдъ уноситъ,
Который рябитъ воду, если броситъ
Дитя, рѣзваясь, съ размаху всей руки
Скользкій, гладкій камень въ токъ рѣки.

Взгляни: стоитъ хозяйка молодая —
И вотъ, любимцевъ съ кровель созывая,
Имъ сыплетъ щедрой горстью кормъ она;
На зовъ ея, на дождь златой пшени
Подъемяются, другъ друга упреждая,
Спѣшать — и въ мигъ къ владычицѣ
[своей
Зеленыхъ, бѣлыхъ, сизыхъ голубей
Слетается воркующая стая...

Подобно имъ, мечты слетаютъ въ умъ,
Подобно имъ, толнятся въ немъ картины.
Когда склоню путливый слухъ на шумъ
Огромныхъ крыльевъ ангела кончины.

Въ душѣ моей всплываетъ образъ тѣхъ,
Которыхъ я любилъ, къ которымъ нынѣ
Ужъ не дойдетъ ни скорбь моя, ни смѣхъ:
Они сокрылись — а одинъ въ пустынѣ.

И вдругъ мою печаль смѣняетъ страхъ:
Вступая въ мозгъ костей студеный
Дрожащихъ устъ невнятный, слабый

Едва промолвить можетъ: „Тотъ же
Такой же гость, ничтожный и мгновен-

За трапезой земнаго бытія,
Такой же червь, какъ всѣ окрестъ, и я.
Часы несутся; вскорѣ во вселенной
Необрѣтутъ и слѣда моего;
И я исчезну въ лонѣ ничего,
Изъ коего, для бѣды и на истлѣнье,
Я вызванъ рокомъ на одно мгновенье.“
Увы! единой вѣрѣ власть дана
Въ виду глухого, гробоваго сна
Спокоить, укрѣпить, утѣшить душу:

Блаженъ, чей вождь въ селенье звѣздъ
„Нѣтъ! своего подобья неразрушу“ —

Такъ страху нашихъ трепетныхъ сердецъ
Ея устами говоритъ Творецъ:
„Потухнуть солнца; сонмы рати звѣздъ

Какъ листья съ древа, такъ падутъ съ
И бѣгъ прервется мировыхъ колесъ;
Земля поглотится, какъ капля, бездной,
И будто риза, обветшаетъ твердь.

Но мысль мой образъ: или ей, неслѣпной,
Млѣть и дрожать? — Ей что такое смерть?
Надъ пепломъ догорающей вселенной,
Надъ прахомъ всѣхъ распавшихся міровъ

Она полетъ направить дерзновенный
Въ мой домъ, въ страну родимыхъ ей
Безсмертья свѣтлаго наслѣдникъ, я ли
Пребуду сердцемъ прилепленъ къ землѣ:
Къ ей обманамъ, призракамъ и мглѣ,
Къ утѣхамъ лживымъ, къ суетной печали
И къ той ничтожной суетной мечтѣ,
Напитанной убійственной отравой,
Которую въ безумной слѣпотѣ
Мы называемъ счастьемъ и славой?

Смѣжу ли очи я, когда прозрѣлъ?
Надеждъ моихъ желаній всѣхъ предѣлъ,
Уже-ль и нынѣ только то, что можетъ
Мнѣ дать юдолю страданья и суетъ?
Или души плѣненной не тревожить
Тоска по томъ, чего подъ солнцемъ нѣтъ?

БЛАГОДАТЬ ГОСПОДНЯ.

(Изъ Геллерта.)

Хвала и слава будь тебѣ,
Владыко, Боже мой!
Ты пекся о моей судьбѣ,
Ты былъ всегда со мной.

Къ Тебѣ взывалъ ли въ страхѣ я —
Не тщетенъ былъ мой зовъ:
Благій! премудрый! длань Твоя
Мой щитъ и мой покровъ.

На одръ скорбей я палъ, стена:
„Спаси!“ я такъ молилъ...
Ты спасъ, Ты исцѣлилъ меня:
Хвала, источникъ силъ!

Врагомъ бывалъ ли оскорбленъ.
Восплачусь предъ Тобой:
Ты дашь терпѣнье — врагъ прощень.
И въ сердцѣ вновь покои.

Блуждаю ли въ своемъ пути,
Призраками прельщенъ,
Промолвлю: „Путь мой освѣти!“
Гляжу — и освѣщенъ.

Скорблю, ни гдѣ отрады нѣтъ:
„Ахъ! долго-ль?“ вопию,
И утѣшенъ Твой отвѣтъ.
На жалобу мою.

Ты Богъ благій, Ты щедрый Богъ,
Отецъ того, кто спитъ;
Въ нуждѣ, въ соблазнахъ мнѣ помогъ;
Ты шлешь мнѣ мощь и миръ.

Хвала! и горе Твой посолъ:
Сближаюсь имъ съ Тобой,
Въ немъ слышу Твой живой глаголъ;
Хвала, наставникъ мой!

Земля и твердь и поле волнъ
Твоей любви храмъ;
Твоихъ даровъ не мѣрь ли полнъ?
Хвала! Ты далъ ихъ намъ.

Хвала, хвала за кровь того,
Кто грѣшныхъ смертью спасъ!
Нашъ Богъ и сына своего
Не пожалѣтъ для насъ.

О, сколь Господь насъ возлюбилъ!
Издай же пѣсни, грудь!
Органомъ славы Богу силъ,
Народъ Господень, будь!

Онъ преклоняетъ слухъ на стонъ,
Речеть — и стона нѣтъ!
Насъ по искусѣ краткомъ онъ
Восхититъ въ вѣчный свѣтъ.

Мой духъ, на милость уповай,
Которой нѣтъ конца;
Сколь благъ твой Богъ забывай
И чти законъ Отца.

БЛАЖЕНСТВО.

(Изъ Геллерта.)

По краткомъ срокѣ испытанья
Безсмертье ожидаетъ насъ:
Тогда поглотитъ всѣ стenanья
Исполненный восторга гласъ;

Мы здѣсь обречены трудамъ —
Тамъ наше воздаянье — тамъ!

Тамъ!... Ужъ и здѣсь часы блаженства
Даются чистому душой;
Но на землѣ нѣтъ совершенства,
Не прочесть и сердець покой:
Быть человѣкомъ — человекъ —
И человѣкомъ будетъ вѣкъ.

Тѣ миръ съ своими суетами,
Тѣ врагъ, который въ насъ самихъ
И рѣдко побѣждаемъ нами,
Тѣ преткновенья отъ другихъ,
Тѣ немощь, тѣ соблазны утѣхъ
Ввергають насъ въ печаль и грѣхъ.

Здѣсь часто добродѣтель страдаетъ,
Порокъ во славу облеченъ;
Сгубить счастливица злоба жаждетъ,
А кто несчастливъ — тотъ забвенъ;
Здѣсь смертный не бываетъ чуждъ
Ни слѣзъ, ни слабостей, ни нуждъ.

Здѣсь лишь ищу, но *тамъ* найду я;
Я весь преобразуюсь тамъ:
Тамъ узрю Бога, торжествуя,
Предамся пѣснямъ и хваламъ!

Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца,
Прославлю тамъ любви Отца!

Моей Его святую волю
Моимъ блаженствомъ буду звать,
И въ неотъемлимую долю,
Онъ дастъ мнѣ свѣтъ и благодать;
Съ ступени взыду на ступень,
Незаходимый встрѣчу день...

И мнѣ тотъ день откроется ясно
Все тѣ, что тѣмно на землѣ;
Премудро, свѣтло и прекрасно
Тамъ явится, что здѣсь во мглѣ;
Съ благоговѣньемъ преклоняясь,
Судебъ постигну цѣль и связь.

Къ престолу Господа проникну —
Туда, гдѣ Онъ не покровенъ.
„Святъ, святъ Господь мой! святъ!“ во-
[скликну,

Его сіяньемъ озаренъ...
И рать духовъ тогда со мной
Все небо огласитъ хвалою.

Средь ангеловъ — имъ равенъ буду
И буду чистъ, подобно имъ,

И грѣхъ, и скорбь земли забуду,
И пріобщусь, благой, къ благимъ:
Возрадуюсь ихъ части я,
И будетъ часть ихъ — часть моя.

О, радость нате словъ и мѣры!
Тамъ и того увижу вновь,
Кто подалъ мнѣ свѣтильникъ вѣры,
Платилъ любовью за любовь —
И, прежде, чѣмъ съ земли исчезъ,
Мнѣ указалъ страну небесъ.

О, если-бъ, встрѣтившись со мною,
И мнѣ промолвить кто въ раю:
„Мой братъ, не я-ль спасенъ тобою?
„Ты жизнь, ты душу спасъ мою!“
Невыразимо тотъ блаженъ,
Кѣмъ погибавшій братъ спасенъ!

За мной мгновенной жизни горе:
Какъ дымъ, исчезнетъ въ оный день,
Какъ капля въ безпредѣльномъ морѣ,
Какъ отъ лучей ночная тѣнь,
Какъ сотворенный сномъ призракъ,
Когда предъ солнцемъ таетъ мракъ.

Б Р А Т У.

Повсюду вижу Бога моего!
Онъ чадъ своихъ отецъ — и не покинетъ,
Нѣтъ не отвергнетъ никогда того,
Въ комъ вѣра въ Милосерднаго не сты-
[нетъ.

Господь, мой Богъ — на сунѣ, на водахъ,
И въ шумномъ множествѣ, въ мірскомъ
[волненіи,
И въ хижинѣ, и въ пышныхъ теремахъ,
И въ пристани души — въ уединеніи...

Нѣтъ мѣста коего лучшемъ своимъ
Не озарялъ бы Онъ, повсюду-сущій;
Нѣтъ мрака, нѣтъ затѣмнѣнья передъ
[Нимъ:
Всѣмъ близокъ Благостный и Всемогущій!

Онъ близокъ: я уже Его узналъ
И здѣсь, въ глухихъ стѣнахъ моей те-
[мницы;
И здѣсь, среди сѣдыхъ, угрюмыхъ скалъ,
Меня покрыла снѣгъ Его десницы.

Онъ близокъ! — близокъ и тебѣ, мой
[другъ!
Къ Нему лети на крыльяхъ упованія...
Его услышишь въ самомъ стои́тъ вьюгѣ
И узришь въ льдинахъ твоего изгнанья!
1831.

Б Р А Т У.

Минули же и годы заточенья,
А думать я: конца не будетъ имъ!
Податели молитвъ и вдохновенья,
Они парили надъ челомъ моимъ
И были ихъ отзывы вѣсношенія —
И что-жь? обуреваемъ и томимъ
Мятежной грустію, слѣпецъ безумный,
Я рвался въ міръ и суетный и шумный.

Не для его я созданъ: только шагъ
Ступить успѣлъ я за священный прахъ.
Пріюта тихихъ думъ — и ужъ во власти
Глухихъ заботъ, и закипѣли страсти,
И духъ земли, непримиримый врагъ
Небеснаго, раздралъ меня на части:
Затрешетали свѣтлыя мечты
И скрылися предъ княземъ темноты.

Мнѣ тяжела, горька мнѣ ихъ утрата
 (Душа же съ ними свыкла, жизнь срос-
 [лась);
 Но пусть! — я и безъ нихъ любовью
 [брата
 Счастливы бы были; съ нимъ вмѣстѣ,
 [не страшась,
 Вступилъ бы я въ борьбу — и сопостата
 Мы побороли бы; нѣтъ, дружныхъ насъ
 Не одолѣть бы! можетъ-быть, и лира
 Вновь оживилась бы на лонѣ мира!

О! почему, неопытный борецъ,
 Рукой неосторожной грудь родную
 Я сжалъ и ранилъ? Пусть восторжествую,
 Пусть и возьму столь лестный мнѣ вѣ-
 [нецъ —
 Ахъ! лучше бы я положилъ, пѣвецъ
 Забытый всѣми, голову сѣдую
 Въ безвѣстный темный гробъ, чѣмъ эту
 [грудь
 И безъ того больную оттолкнуть!

Гдѣ время тѣ, когда, уединенный,
 Къ нему я въ даль объятья простиралъ,
 Когда и онъ, любовью ослѣпленный,
 Меня къ себѣ подъ кровь свой призы-
 [валъ?

Я наконецъ перешагнулъ Ураль,
 Перелетѣлъ твой ледъ, Байкалъ священ-
 [ный —
 И вотъ свою суровую судьбу
 Я внесъ въ его смиренную избу!

Судьбу того, кто съ самой колыбели
 Былъ бѣдъ звѣздой всѣмъ своимъ друзь-
 [ямъ —
 За нихъ подъяла руки къ небесамъ,
 Моляся, чтобы скорби пролетѣли
 Надъ милыми, сердца ихъ я же самъ,
 Бывало, растерзалъ! — Охладили,
 Заснули многіе: ты не отъять,
 Ты мнѣ одинъ остался, другъ и братъ!

А между тѣмъ... покнемъ и забудемъ,
 Забудемъ бури, будто злые сны!
 Не станемъ вѣрить ни страстямъ, ни
 [людямъ —
 Оставь мнѣ, отпусти мы вины!
 Отнынѣ въ жизни неразлучны будемъ:
 Вѣдь той же матерью мы рождены;
 Сотремъ всѣ пятна съ памятной скри-
 [жали;
 Все пополамъ: и радость и печали!

1837 г.

Б Р А Т У

(въ день его именинъ).

Короче день — и рѣже съ океана
Снимается сѣдая ткань тумана;
Желтѣет мой любимецъ, гордый клѣнъ,
Который прихотливою судьбою

Былъ съ рошей разлученъ родною
И здѣсь межъ камней возрождёнъ —
Такъ! осень царствуетъ — и скоро, скоро
[птицы
Подымутся съ полночныхъ, грозныхъ
[скаль:

На полдень путь имъ начерталъ
Всемощный перстъ невидимой десницы.
Увидитъ надъ собой ихъ вереницы
Съ высокой палубы пловецъ —
И скажетъ: „Краснымъ днямъ на сѣверѣ
[конецъ!“

Мертвѣетъ блѣдная природа;
На сумрачный полетъ дряхлѣющаго года
Глядитъ, задумавшись, пѣвецъ.
Но и безъ лѣтняго, блестящаго свѣтила
Мнѣ святъ и дорогъ праздникъ Михаила.
Давно не для меня и ароматъ цвѣтовъ,
И роскошь нивъ, и видъ присолнечныхъ
[холмовъ,

Не для меня дубравы темной шопотъ,
И пѣсни соловья,
И водопада ревъ, и плескъ и шумъ и
[ропотъ

Прозрачнаго ручья.
Давно покинулъ я всѣ красоты вселенной:
Въ стѣнахъ угрюмыхъ заключенный,
Давно отъ нихъ оторванъ я.
Остались мнѣ однѣ воспоминанья —
Но, другъ мой, въ день твоихъ ли
[именинъ
Я буду въ одиночествѣ — одинъ?
Сберется мой народъ — крылатые меч-
[танья,

И съ ними сяду я за пиръ,
Забуду стражей и затворы,
Забуду цѣлый міръ —
И вдругъ перенесусь за стѣны, рѣки, горы,
Въ твой тихій домъ, къ тебѣ...
Тамъ, сердца счастливымъ обманомъ
[упоенный.

Воскликну я: „Хвала судьбѣ!
„Мнѣ возвращенъ мой братъ, съ мною
[разлученный.“

И что-жъ? пространство ли одно
По волѣ сокращать мечтанія дано?
Ихъ вѣтренное племя
Не покорило ли и самый рокъ и время?

Не призракъ ли былыхъ, прекрас-
ныхъ дней

Онѣ подъемлютъ изъ могилы?
Отъ вѣянья ихъ чудотворной силы
Вдругъ предо мной всплываетъ сонмъ
гнѣней:

Я вижу утра моего друзей,
Всѣхъ вижу ихъ, какъ ихъ видать,
бывало!

Такъ — вотъ и тотъ, кого давно уже не
стало,

И тотъ, который живъ, но дружбѣ из-
мѣнилъ;

Тѣ съ высоты честей, тѣ изъ степеней
изгнанья,

Изъ шумныхъ городовъ, изъ тишины
могилъ —

Всѣ, всѣ стеклися для свиданья!
Сдается — только сонъ всѣ наши испы-
танья:

Ихъ образъ тотъ же, тотъ же разговоръ,
И слышу тотъ же смѣхъ и тотъ же жаръ-
кій споръ —

Но мигъ — и нѣтъ ихъ... Я на брегѣ
Авиноры,

Надъ зеркаломъ рѣки моей родной —
Здѣсь за струей когда-то наши взоры
Бѣжали, жадные, въ туманъ далѣ сѣдой;

Мы здѣсь, мой братъ, рука съ рукой
Бродили, счастливые дѣти,
Глядѣли, какъ рыбаки закидываетъ сѣти,
Или какъ чѣлнъ сколзить надъ свѣтлой
глубиной.

Напомнить ли тебѣ робинсонады,
Романы пылкіе младенческой мечты,
Какіе слуху намъ внимающей наяды
Разсказывали здѣсь, когда-то я и ты?

Пойди ли въ садикъ посѣтить цвѣты,
Взглянуть на деревъ, посаженные нами?

Увы! давно цвѣты тѣ отцвѣли,
Давно смѣшались съ перестію земли

И узнаны не будутъ деревьями —
Все минуло! Быть-можетъ, не найди

Намъ даже мѣста на кладбищѣ,
Гдѣ нашъ старикъ, сошедъ съ житей-
скаго пути,

Обрѣлъ послѣднее жилище.
О, да покоится на лонѣ тишины!
Онъ во-время сомкнулъ страдальческія
вѣжды:

Еще тогда его сыны
Вливали въ грудь отца и радость, и на-
дежды.

Но полно! Чувствую, какъ голосъ мой
дрожить,

Какъ слѣзы брызнуть изъ очей готовы.

Мой утѣшитель-гений прочь летитъ;
Уже не свѣтлы — мрачны и суровы
Тѣ гости, коихъ въ уголку своемъ
На праздникъ друга созвалъ твой пу-
[стынникъ —
Богъ съ ними! Пользы нѣтъ тужить
[вдвоемъ:

Умолкну, милый именинникъ!
Очнулся я — и нѣтъ уже картинъ,
Какими тѣшило меня воображенье;
Подъемлю взоры — я по прежнему одинъ;
Склоняю слухъ — кругомъ уединенье —
(Свеаборгская крѣпость,
29 сентября 1833 года.)

ВОПРОСЫ.

Уже-ль и неба лучшіе дары
Въ подлунномъ мірѣ только сновидѣнье?
Уже-ль по тверди только до поры
Свершаютъ звѣзды дивное теченье?
Должно ли вѣдать гнѣвъ враждебныхъ
Душа души, святое вдохновенье, [лѣтъ,
Должно ли опадать въ одно мгновенье,
Какъ въ осень сорванный со стебля цвѣтъ?

Увы мнѣ! съ часу на часъ рѣже, рѣже
Живительнымъ огнемъ согрѣтъ мой духъ!
И тотъ же міръ и впечатленья тѣ же,
Но прежнихъ пѣсней не уловить слухъ,
Но я не тотъ! Уже нѣтъ живого чувства,
Которымъ средь свободныхъ смѣлыхъ
[думъ

Бывать отважный окрыляемъ умъ:
Я робкій рабъ холоднаго искусства —
Сѣдѣть волосъ въ осень скорбныхъ лѣтъ;
Ни жару, ни цвѣтовъ весеннихъ нѣтъ —

ВЪ КОНЦѢ НЕДѢЛИ.

Летать! возврата нѣтъ часамъ,
Назначеннымъ отъ Бога намъ:
За ночью день, за мракомъ свѣтъ —
И вотъ уже недѣли нѣтъ.

Хранитель благостный! слава
За всѣ любви Твоей дѣла,
Слава за тѣмъ щедротъ Твоихъ! —
Когда и гдѣ не видимъ ихъ?

Свободны ли мы отъ вины,
Кѣмъ были мы укрѣплены?
Тобою побѣдили грѣхъ,
Ты даъ намъ силу и успѣхъ!

И кто предъ Богомъ чистъ и правъ?
Увы! грѣшимъ и не узнавъ! —
О милосердьѣ! о любви!
Халатай нашъ — Христова кровь!

Несемся по потоку дней,
Все ближе къ вѣчности Твоей;
Токой сочтенъ нашъ каждый часъ:
Послѣдній Ты сокрытъ отъ насъ.

Тебя мы молимъ, Царь вѣковъ:
Да нестрашитъ насъ зовъ гробовъ!
И на судѣ насъ оправдай,
И смертию насъ веи въ свой рай!

Окончивъ скользкій путь земной,
Твоей отеческой рукой
Да будемъ, Боже, взяты мы
Въ Твой горній домъ изъ дола тьмы!

Тамъ сумрака, тамъ ночи нѣтъ,
Тамъ блещетъ неизмѣнный свѣтъ:
О солнце правды! намъ Твой лучъ
Да свѣтитъ средь житейскихъ тучъ!

НОВЫЙ ГОДЪ.

(Господи! приближише быль еси намъ въ
родъ и родъ! Пс. 89.)

Какъ въ непрерывномъ токѣ водъ
Струи несуться за струями,
Такъ убѣгаютъ дни за днями,
За годомъ улетаетъ годъ —

И вотъ еще одинъ протекъ!
Онъ скрылся, какъ мечта ночная,
Которую, съ одра вставая,
Позабываетъ человекъ —

И, какъ въ пустой, глухой дали
Безъ слѣда умирають звуки,
Такъ радости его и муки
Всѣ будто небыли, прошли.

Прошли онѣ — пройдутъ и тѣ,
Которыя судьба Господня
Завтра намъ или сегодня
Въ святой готовитъ темнотѣ.

Не предъ завѣсой ли стою?
Я живъ и здоровъ: но что за нею?
Черезъ день, черезъ годъ, такъ я и тлѣю —
И вѣртъ развѣстъ перстъ мою.

Не въ немъ ли мы, какъ вѣшній цвѣтъ?
Мы жизнь пріеѣмлемъ на мгновенье;
Насъ видѣть солнца восхожденье;
Луна восходитъ — и насъ вѣтъ!

Сыны грѣха и суеты!
Намъ вѣкъ не нить ли паутины?
Безъ измѣненія Единый,
О Вѣчный! пребываешь ты.

Ты былъ и до сложенія горъ
И до созданія вселенной;
Ты былъ, когда зарей червленной
Не просіялъ еще обзоръ.

Какъ съ вѣтви листь, такъ съ оси міръ,
Сорветъ стихій мятежныхъ сила;
Поглотитъ жадная могила,
Какъ каплю, землю, твердь, эфиръ —

И будго пласть, ты свѣѣшь тогда
Шатерь безмѣрный, многовѣднй;
Но самъ надъ безпредѣльной бездной
Пребудешь, чѣмъ ты былъ всегда.

Предъ Богомъ тысяча вѣковъ
Не болѣ срока часового,
Что среди сумрака нѣмага
Стоитъ на стражѣ у шатровъ.

И что же? каждый день и часъ
Непостижимый Вседержитель,
Защитникъ намъ, покровъ, спаситель,
Блюдетъ и зрѣтъ и слышитъ насъ.

О дивный въ благости своей!
О милостью повсюду сущій!
Будь близокъ намъ и въ день грядущій!
Отецъ, храни своихъ дѣтей!

Все, молча, примемъ, чтобы намъ
Судьбы твои не даровали:
Твое-жъ посланье и печали;
Ты жизни силу далъ слезамъ.

Избавь насъ только отъ грѣховъ,
Излей намъ въ перси духъ смиренья —
И громкимъ гласомъ нѣснопѣнья
Тебя прославимъ, Богъ боговъ!

19 ОКТЯБРЯ 1836 ГОДА.

Шумить потокъ временъ. Ихъ темный
[валъ
Вновь выплеснулъ на берегъ жизни нашей
Священный день, который полной чашей
Въ кругу друзей и я торжествовалъ —

Давно — Европы страхъ — сѣдой Уралъ,
И Енисей, и степи, и Байкаль
Теперь межъ нами. На крылахъ печали
Любовью къ вамъ несусь изъ темной
[дали —

Поминки нашей юности — и я
Ихъ праздновать хочу. Воспоминанья!
Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцанья
Воскресните! Предстаньте мнѣ, друзья!
Пусть созерцаетъ васъ душа моя.
Всѣхъ васъ, лица нашего семья!
Я съ вами былъ когда-то счастливъ,
[молодъ —
Вы съ сердца свѣте туманъ и холодъ.

Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
Рокочуть... Пушкинъ, Пушкинъ! это ты!
Твой образъ — свѣтъ мнѣ въ морѣ
[темноты —

Твои живыя, вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Какъ пилъ и ты, уединенъ, кручину.

Тогда и ты, какъ нѣкогда Назонъ,
Къ родному граду простиралъ объятя;

И надъ Невой затренитали братья,
Услышавъ гармоническій твой стонъ.
Съ сѣдаго Пейпуса, волшебный, онъ
Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій —
И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній.

О, братъ мой! много съ той поры прошло,
Твой день прояснѣлъ, мой покрылся
тьмою;
Я сталъ знакомъ съ торкватовой судьбою.
И что-жь? Опять передо мной свѣтло:
Какъ сонъ тяжелый, горе протекло;
Мое свѣтило изъ-за тучъ чело
Вновь подняло — гляжу въ лицо природы:
Мнѣ отданы долины, горы, воды.

О, другъ! хотя мой волосъ посѣдѣлъ,
Но сердце бьется молодо и смѣло.
Во мнѣ душа переживаетъ тѣло,
Еще мнѣ божій міръ не надоѣлъ.
Что ждетъ меня? Обманы нашъ удѣлъ,
Но въ эту грудь вонзилось много стрѣлъ;
Терпѣлъ я много, обливался кровью —
Что, если въ осень дней столкнусь съ
[любовью?

19 ОКТЯБРЯ 1837 ГОДА.

Блаженъ кто палъ, какъ юноша Ахиллъ,
Прекрасный, мощный, смѣлый, вели-
[чавый,

Въ срединѣ поприща побѣдъ и славы,
Исполненный несокрушенныхъ силъ!
Блаженъ! лицо его, всегда младое,
Сіяніемъ безсмертія горя,
Блеститъ какъ солнце, вѣчно золотое,
Какъ первая эдемская заря.

А я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей
Стою въ ночи, безпомощный и хилый,
Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ
[могилой,

Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ
[друзей!

Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сра-
[женный,

Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ —
И вотъ опять лица день священный —
Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!

Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепещутъ груди вами,
Не вышетъ съ вами онъ задравной
[чаши —

Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.

Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пи-
[руетъ,

Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нимъ, по нимъ душа моя тоскуетъ;
Я жадно руки простираю къ нимъ.

Пора и мнѣ! Давно судьба грозитъ
Мнѣ казней нестерпимаго удара:
Она меня того лишастъ дара,
Съ которымъ духъ мой неразлучно слить!
Такъ! перенесъ я годы заточенья,
Изгнаніе, разлуку, сиротство;
Но подъ щитомъ святаго вдохновенья
И здѣсь во мнѣ пылало божество!

Теперь пора! Не пламень, не перунъ
Меня убилъ; нѣтъ! вязну средь болота:
Горою давятъ нужды и забота,
И я отвыкъ отъ позабытыхъ струнъ!
Мнѣ ангелъ пѣсней рай въ темницѣ
[душной

Когда-то созидалъ изъ сновъ златыхъ;
Но безъ него не трупъ ли я бездушный
Средь труповъ, столь же хладныхъ и
[нѣмыхъ?

ЖРЕБІЙ ПОЭТА.

Какъ путникъ, вѣтрами носимый
По бурнымъ, плещущимъ волнамъ,
По бѣднѣ водъ необозримой,
Стремить къ невидимымъ звѣздамъ,
Сквозь мракъ ревущей полуночи,
Спасенія жаждущія очи,
И, въ страхѣ, къ дальнимъ берегамъ
Въ слезахъ распростираетъ руки —
(Тамъ всё его исчезнуть муки,
Усталого ждетъ пристань тамъ) —

Такъ я, средь сердца грозъ мятежныхъ,
Совсѣмъ измученный борьбой,
Добыча бѣдствій неизбѣжныхъ,
Звалъ тщетно сладостный покой!
Нигдѣ мнѣ небыло пощады:
Изъ края въ край, изъ вѣсей въ грады
Я былъ преслѣдованъ судьбой —
Нѣтъ, не могли святые струны
Громъ оковать, связать перуны;
Ревѣли бури надо мной.

О! страшно быть сосудомъ браннымъ,
Пророкомъ радостныхъ боговъ!
Снѣдаемый огнемъ священнымъ,
Внушителемъ златыхъ стиховъ,

Тотъ преданъ въ жертву грозной власти,
Въ комъ пѣсней жаръ питають страсти:
Его и самая любовь
Порабощаетъ мрачнымъ силамъ;
Въ немъ шумно, яростно по жиламъ
Течетъ неистовая кровь.

Въ замѣну, предъ лицомъ Кронида
Всесилень вѣщихъ пѣсней гласъ:
Имъ въ темномъ адѣ Немезида,
Имъ въ свѣтломъ небѣ Локсіасъ,
Имъ на землѣ вѣка внимають,
И на главѣ пѣвца считаютъ —
И сохраняють кладный вѣсь.
Онъ входитъ въ горніе предѣлы,
Беретъ изъ длани Зевса стрѣлы —
И печестивыхъ страхъ потрясъ.

Гремятъ его хвалы и клятвы
До запада позднѣйшихъ дней:
Онъ сѣетъ ихъ для вѣрной жатвы.
Злодѣй, содрогнись и блѣдней,
Бѣги за волны Ахерона!
Вотъ лукъ — даянье Аполлона.
Онъ губитъ изверговъ и змѣй —
Ужъ тетива рога стянула —
Исчезни же! утроба твоя
Полна мучительныхъ смертей!

К Л Ё Н Ъ.

Скажи, кудрявый сынъ лѣсовъ священ-
ныхъ,

Исполненный могучей красоты,
Средь камней, соковъ жизненныхъ ли-
шенныхъ,

Какой судьбою выросъ ты?

Ты развился передъ моей тюрьмою.

Ты многое напоминаешь мнѣ...

Здѣсь не съ кѣмъ мнѣ... поговорю съ
О милой сердцу сторонѣ, тобою

О времени, когда, подобно птицѣ,
Жилищъ вольной средь твоихъ вѣтвей,
Я пѣснь свободную пѣвалъ денницѣ
И блеску западныхъ лучей.

Тогда съ береговъ смиренной Авиноры,
Въ лѣсахъ моей Эстоніи родной,
Впервые жадно въ даль простеръ я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящія до неба братья
Видали, какъ задернутую тьмой
Страну я звалъ, манилъ въ свои объятія —
И покачали головой.

А нынѣ ты свидѣтель исполненія
Того, что прорицали братья мнѣ,
О, ты, послѣдній въ мракѣ заточеня,
Мой другъ въ далѣкой сторонѣ!

К Ъ * * *.

Такъ счастливъ ты, мой юный, милый
[другъ:

Къ златому, безмятежному покою,
Въ пріютъ отъ жизненныхъ и бурь и
[выюгъ

Тебя ведетъ судьба благой рукою.
Постигнулъ рано ты всю суету,
Всѣ призраки и всѣ обманы свѣта,
И жалкихъ честолюбцевъ слѣпоту
Ты рано оцѣнилъ въ младая лѣта...
Отнынѣ средь наслѣдственныхъ полей
Ты станешь жить для кровныхъ и друзей,
И призовешь въ свое уединенье
Высокій трудъ, оградное ученье —
И вкругъ тебя прелестныя мечты
Разсѣютъ свѣтлые свои цвѣты...
Ты встрѣтишь ихъ въ тѣхъ рошахъ, мнѣ

[священныхъ,
Гдѣ нѣкогда съ цѣвницей я бродилъ,
Гдѣ нѣкогда съ таинственныхъ свѣтилъ,

Моихъ предтечь, поэтовъ вдохновенныхъ,
 Ко мнѣ могущій гимнъ сходилъ!
 О мнѣ спроси сѣдаго земледѣльца
 (Меня любили дѣти простоты) —
 И отъ него мой холмъ узнаешь ты,
 Любимый холмъ злосчастнаго пришельца.
 Тамъ тишина и запахъ розъ окрестъ,
 И сѣнь пѣмага, дремлющаго бора,
 И мирный гробъ, и надъ часовней крестъ —
 Тамъ братъ мой спитъ — И отдалъ, близъ
 [забора,

Опредѣлить я мѣсто и себѣ —
 Когда увидишь край родной, счастливый
 И дорогіе мнѣ луга и нивы,
 Когда предстанетъ онъ холмъ тебѣ,
 Тогда ты вспомнишь о моей судьбѣ!

КЪ ВИКТОРУ ГЮГО.

(Прочитавъ извѣстіе, что у него потонула
 дочь.)

Не суждено мнѣ было въ мірѣ
 Съ тобою встрѣтиться, поэтъ,
 И ужъ на западъ моихъ унылыхъ лѣтъ
 Я внялъ твоей волшебной лирѣ.

Я мигъ гостилъ въ землѣ твоей;
 Я, сынъ иной судьбы, инаго поколѣнья;
 Я не видалъ твоихъ очей,
 Въ нихъ не привѣтствовалъ перуновъ
 [вдохновенья —

Но дорогъ ты душѣ моей.
 Успѣховъ и похвалъ питомецъ нѣгъ и
 [блеска,

Ты къ бурѣ бѣшеннаго плеска
 Съ разсвѣта своего привыкъ.
 И не одной толпы ничтожный, шумный
 [крикъ

Превозносилъ тебя: младенческія руки
 Исторгли первые изъ струнъ дрожащихъ
 [звуки —

И вострепнулся вдругъ божественный
 [старикъ;
 Съ живою жаждою къ потоку ихъ при-
 [никъ

Не льстецъ побѣды, не удачъ слу-
 [житель,

Но онъ, поэтъ и вѣры воскреситель,
 Онъ, рыцарь и пѣвецъ, и честный чело-
 [вѣкъ,

И жертвъ судьбы безстрашный защи-
 [титель

Въ продажный и распутный вѣкъ.
 „Гигантъ-дѣтя!“ онъ о тебѣ изрекъ

Когда завидѣлъ, какъ, покинувъ мракъ
[и долы,
Ты, полный юныхъ, свѣжихъ силъ,
Отважно къ солнцу воспарилъ —
Когда слышалъ тѣ чудесные глаголы,
Какіе изъ за-тучь ты, вдохновенный, лилъ!

Подъ властью я рожденъ враждебныхъ
[мнѣ свѣтилъ,
И рано крылья черной бури
Затмили блескъ моей лазури.
Я тяжкихъ десять лѣтъ въ темницѣ
[изнывалъ —

Умру въ глухихъ стѣнахъ изгнанья...
Однако же, какъ ты, такой же я кристалъ,
Въ которомъ радужно дробится свѣтъ
[созданья;

Одинъ изъ вѣщихъ гуловъ я
Рыданій плача міроваго;
Душа знакома и моя
Съ наитьемъ духа неземнаго!
Гюго! — не вѣчно и тебѣ
Смѣялось вѣтренное счастье.

Ты также заплатилъ свой долгъ судьбѣ.
Увы, мой братъ! и ты вкушалъ же сла-
[дострастье
Неизрѣченную утѣху горькихъ слѣзъ...

И вотъ же рокъ тебѣ нанесъ

Ударъ, убійственно-жестокій!
Воображаю я, какъ стонешь одинокій,
Какъ вопрошаешь ты нѣмую эту ночь:
„Итакъ моя любимица и дочь
„Ужели въ-самомъ-дѣлѣ зѣвъ пучи-
[ны?...“

Не договаривай: плачь, труженикъ-нѣ-
[вецъ!

Тебѣ сочувствую: ахъ, вѣдь и я отецъ!
Ножъ и въ мой груди негаснувшей кру-
Съ могилы сына моего. [чины:

Надъ дочерью твоей, Гюго, рыдаю нынѣ —
Въ столицѣ міра ты! я въ ссылкѣ, я въ
[пустынѣ:

Но родственная скорбь не то же ли родство?

Л У Н А.

Тебя ли вижу изъ окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье божіей десницы?

Прими же скорбный мой привѣтъ,
Ночное, мирное свѣтило!
Отраденъ мнѣ твой тихій свѣтъ:
Ты мнѣ всю душу озарило.

Такъ, можетъ-быть, не только я,
Страдалецъ, узникъ въ мракѣ ночи —
Быть-можетъ, и мои друзья
Къ тебѣ теперь подьѣмлютъ очи.

Быть-можетъ, вспомнятъ обо мнѣ —
Заснуть — съ молитвою, съ любовью
Мой призракъ въ ихъ счастливомъ снѣ
Слетитъ къ родному изголовью.

Благословить ихъ — — Но когда
На сводѣ неба запылаетъ
Передразсвѣтная звѣзда,
Мой призракъ, будто паръ, растаетъ.

ЛЮБОВЬ.

Податель счастья и мученья,
Тебя ли я встрѣчаю вновь?
И даже въ мракѣ заточенья
Ты обрѣла меня, любовь?

Увы! почто твои привѣты?
Къ чему улыбка мнѣ твоя?
Твоимъ свѣтиломъ ли согрѣтый
Воскресну вновь для жизни я?

Нѣтъ, мѣнула пора мечтаній,
Пора надежды и любви:
Отъ мраза лютаго страданій
Хладѣетъ токъ моея крови.

Для узника ли взоровъ страстныхъ
Восторгъ и блескъ, и теплота?
Погаснетъ лучъ въ парахъ ненастныхъ —
Забудь страдальца, красота!

МОЕЙ МАТЕРИ.

Предѣлъ безмолвный, темный уголокъ,
Нѣмая пристань, гдѣ наставникъ — рокъ,
Спасительный, но въ строгость облечен-
[ный,

Назначилъ мнѣ пріютъ уединенный,
Святыней будь сегодня для меня!
Я нынѣ полонъ чистаго огня:
Объемлетъ горній пламень грудь поэта;
Нѣтъ дыму въ немъ, ни духоты страстей.
Источникъ силы, теплоты и свѣта,
Онъ мнѣ перуномъ не слѣпнѣтъ очей,
Не сжеть мнѣ сердца пыломъ иступленья.
Изъ жилы въ жилу токи вдохновенья
Переливаются безъ волнъ и бурь —
Такъ нѣкогда по вертограду рай

Текли, дуга и роши наполя,
Являя неба чистую лазурь,
Рѣка, родительница рѣкъ святая.

Къ кому-жь простру я въ благодатный
[часъ

Парящій на крылахъ восторга гласъ?

Не вѣтреннымъ друзьямъ, питомцамъ
[міра,

Бряцаетъ подъ моею рукою лира:

Забывшій, не ищу вниманья ихъ.

Но ты да слышишь звуки струнъ моихъ,

О, лучшій другъ мой! о, моя родная!

Ты, коей имя на моихъ устахъ,

Ты, коей память, вѣчно мнѣ драгая,

Въ душѣ моей. Когда покинувъ прахъ,

Я узнаю, я зрю на небесахъ

Не Бога вооруженнаго громами,

Властителя надъ блѣдными рабами,

Но кроткаго и падшихъ чадъ Отца,

Но близкаго, того, кто благъ безъ мѣры!

Врачуешь сокрушенныя сердца

Елеемъ дивнымъ животворной вѣры.

Такъ! онъ пошлетъ отраду и тебѣ!

Утѣшься: видить Онъ, какъ о судьбѣ

Своихъ сыновъ рыдаешь и тоскуешь

И ихъ сынами скорби именуешь —

Родимая! мы подъ его рукой:

Не ясною-ль и твердою душой,

Не бодрою-ль и мощной даже въ горѣ,
Имъ братъ мой надѣленъ? Пусть мракъ

[кругомъ,

Пусть катится въ ночи ревушій громъ;

Но свѣтлый день въ его спокойномъ

[взорѣ:

„Живъ Богъ мой!“ онъ вѣщаетъ и съ

[челомъ

Безтрепетнымъ, безъ страха, безъ смя-

[теня,

Смиренно всѣ встрѣчаетъ искушенья.

Скажу ли? И меня благословилъ

Безцѣнными дарами Датель силъ:

Пусть упиваются любимцы счастья

Отравой земнаго сладострастья;

Пусть одѣваются въ ничтожный блескъ,

Пусть слышнута купленный за брашню

[плескъ;

Они умрутъ и сложатъ червь ихъ кости,

Именъ ихъ непомянутъ даже гости,

Участники распутныхъ ихъ пировъ —

Я узникъ; но мой жребій не таковъ!

Меня взлелѣвалъ ангелъ пѣнопѣнья,

И свѣтлыя чудесныя видѣнья,

За роемъ рой, слетаютъ въ мой пріютъ:

Я вижу ихъ — уста мои поютъ

И райскимъ исполняюсь наслажденьемъ.

И (да вѣщаю нынѣ съ дерзновеньемъ!)

Не всё, такъ уповаю я, умрутъ
 Крылатыя души моей созданья:
 Съ лица земнаго свѣтеса мой прахъ,
 Но тотъ, на чьемъ челѣ печать избранья,
 Тотъ и въ далекихъ будетъ жить вѣкахъ.
 Не весь истлѣю я: съ очей потомства
 Спадеть покровъ мгновенной слѣпоты
 И стихнетъ гулъ вражды и вѣроломства;
 Умолкнетъ злоба черной клеветы,
 Забудутъ заблужденья человѣка;
 Но воспомянутъ чистый гласъ пѣвца
 И отзовутся на него сердца
 И дѣвъ и юношей инаго вѣка.
 Наступитъ оный вождественный день —
 И радостью встрепенетъ отъ привѣтовъ
 Святыхъ, судьбой испытанныхъ поэтовъ
 Въ раю моя утѣшенная тѣнь.
 Тогда я робко именемъ клеветовъ,
 Великіе, назвать посмѣю васъ:
 Тебя, о Дантъ, божественный изгнан-
 [никъ! —
 О узникъ, труженникъ безсмертный, Тассъ,
 Тебя! — и съ нимъ тебя, бездомный
 [странникъ,
 Страдалецъ, Лузитаніи Гомеръ!
 Вы, образцы мои, вы мнѣ примѣръ,
 Мнѣ бѣдъ путемъ ко славѣ предлетѣли:
 Я бѣдъ путемъ стрѣмлюся къ той же цѣли.

Не плачь же достоинъ жребій мой:
 Я на землѣ, въ тюрьмѣ я только тѣломъ,
 Но духъ въ полетѣ радостномъ и смѣломъ
 Горѣ несется за предѣлы земной —
 И въ вашъ соборъ вступаютъ свѣтозарный.
 Нѣтъ! мнѣ нестрашенъ смѣхъ толпы
 [коварной:
 Я въ скорби, въ заточеніи, въ нищетѣ:
 Но лучший ли удѣлъ вкушали тѣ,
 Которыхъ имена въ столѣтьяхъ громки,
 Избранниковъ побѣдоносный хоръ,
 Пѣвцы, къ которымъ поздніе потомки
 Подъемяютъ блескомъ ослѣпленныи
 [взоръ?

МОЛИТВА.

Прибѣгну къ Господу съ мольбою,
 Небеснаго взыщу Отца:
 Недай мнѣ Боже пасть душою,
 Но да крѣплюся до конца!

Ты знаешь испытаній мѣру,
 Что мнѣ во благо, знаешь Ты:
 Пролей живительную вѣру
 Въ меня съ надзвѣздной высоты!

Душа моя не есть ли поле
Иссохшее въ тяжёлый зной?
О Боже! Боже мой! до колѣ
Отринуть буду я Тобой?

Не презри Твоего созданья;
Твое творенье я, Творецъ!
Нечистыя мои мечтанья,
Сорви, исторгни, какъ волчецъ!

Низвергни въ море преступленья,
Грѣхъ буйной юности моей!
Даруй мнѣ тихія моленья!
Очисти взоръ моихъ очей!

Да устремлю туда желанья,
Гдѣ ужаса и скорби нѣтъ,
Гдѣ блескомъ вѣчнаго сіянья
Господень вертоградъ одѣтъ!

МОЛИТВА УЗНИКА.

Руку прости надъ моею темницей,
Господи! сирую душу мою
Ты оѣши милосердой десницей!
Господи, Боже, къ Тебѣ воплю!

Нѣтъ! своего не погубишь созданья!
Скорбныхъ ли чадъ не услышитъ Отецъ?
Зри мои слёзы, сочти воздыханья,
Вѣры моей не отвергни, Творецъ!

Мнѣ не избавиться смертныхъ рукою:
Другъ мой и ближній мнѣ гибель изрекъ—
Такъ! я спасуся единымъ Тобою!
Господи! что предъ Тобой человекъ!

Боже мой! тяжки мои преступленья!
Мѣрила нѣтъ моимъ тяжкимъ дѣламъ—
О, да воскресну изъ узъ заточенья
Чистъ и угоденъ господнимъ очамъ!

Будь для меня исцѣляющей чашей,
Чашей спасенья, мой горестный плѣнъ!
Слёзы! — омоюсь купелію вашей:
Новъ я изыду изъ сумрачныхъ стѣнъ —

Новъ и для жизни, Ему посвященный —
Онъ мой спаситель, защитникъ и Богъ!
Съ неба внимаетъ молитвѣ смиренной:
Милостивъ Онъ, Онъ отечески строгъ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

Погаснуль день: склонился міръ къ по-
Открыли небеса [кою;
Въ безчисленныхъ свѣтилахъ надо мною
Господни чудеса.

Съ обзора солнце свелъ и въ твердь ноч-
Возводитъ Богъ луну, [ную
И шумъ прервать и суету земную
Повелѣваетъ сну.

Онъ предписалъ успокоенію время
И срокъ дневнымъ трудамъ:
Сложу-жь и я съ раменъ усталыхъ бремя
И членамъ отдыхъ дамъ.

Но на отрадномъ не проструся ложѣ,
Доколѣ предъ Тобой
Не възйдесть гласъ моихъ хваленій, Боже,
Господь и пѣстунъ мой!

Съ одра возставъ, воззвалъ я — и моленію
Ты внялъ, Владыко силъ!
И подъ Твоею благодатной сѣнью
Я день сей совершилъ.

Отецъ Твой щедроты кто исчислитъ?
Кто взвѣситъ ихъ возмогъ?
Тебѣ воздать никто да не помыслитъ,
Благій безъ мѣры Богъ?

Душѣ и тѣлу Ты готовишь яству,
Ты съ нами каждый часъ;
Какъ вѣрный пастырь охраняетъ паству,
Такъ охраняешь насъ.

Ты дѣлу нашихъ рукъ успѣхъ даруешь,
Ты, преклонясь къ слезамъ,
И нашъ недугъ и нашу скорбь врачуешь,
И плешь отраду намъ.

Внеми-жь моимъ вздыханіямъ сердеч-
Мольбамъ моей души: [нымъ,
Всѣхъ болѣе къ даянѣмъ безконеч-
Творецъ мой приложи! [нымъ

Омой купелію христовой крови
Меня отъ всѣхъ грѣховъ,
И на пути къ Тебѣ, отецъ любви,
Будь вождь мой и покровъ!

А всѣ свои заботы и печали
Возвергну на Тебя:
Мнѣ въ благо ихъ Твой же руки дали;
Что-жь мнѣ крушить себя?

Потокъ отрадный вѣры и надежды
Ты въ перси мнѣ пролей —
И я безъ трепета закрою вѣжды
До утреннихъ лучей.

Не только для меня — ты будь защитой
Всѣхъ драгоценныхъ мнѣ:
Пусть Твой народъ, рукой Твоей при-
Почистъ въ тишинѣ! [крытый,

Когда же блеску солнца ранній пѣтель
Провозгласитъ привѣтъ,
Да вспрянетъ духъ мой, радостенъ и свѣ-
И бодръ, и въ мощь одѣтъ! [тель,

Ты будешь первой мыслию моею
И я, отвергнувъ страхъ,
Воздвигнусь — и съ Тобой, мой Богъ,
Во всѣхъ своихъ трудахъ. [успѣю

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

Отецъ хранитель, Боже мой!
Подо сѣнью Твоего покрова
Я сладостный вкушалъ покой —
И вотъ открылъ я вѣжды снова!

Ты создалъ свѣтъ златаго дня,
Ты создалъ мракъ отрадной ночи —
И день и ночь блюдутъ меня
Твои недремлющія очи.

Благій! воздать могу ли я
Твоей любви неизреченной?
Не приметъ жертвы длань Твоя;
Ты требуешь души смиренной —

Души боящейся грѣховъ,
И чистой, и прямой, и вѣрной,
И любящей Твоихъ сыновъ
Любовію нелицемѣрной.

О, милосердый мой отецъ!
Я отъ тебя ли что сокрою?
Ты проникаешь тьму сердецъ,
Ихъ дно раскрыто предъ Тобою.

Я падалъ, падаю сто кратъ —
Но въ милостяхъ неистощимый,
Ты зришь: я скорбію объять,
Терзаюсь я, грѣхомъ тягчимый.

Безъ помощи твоей что я?
Ты вѣдаешь мое безсилье;
Но гдѣ безсилна жизнь моя,
Тамъ мощно силъ твоихъ обиліе.

О, Боже! духъ мой обнови
И сердце мнѣ создай иное;
Надежды, вѣры и любви
Да свѣтитъ солнце мнѣ святое!

Ты склонишься къ молебѣ моей:
Христовой кровью омовенный,
И я въ числѣ твоихъ дѣтей,
Небесъ наследникъ обреченный.

Сей день, мнѣ посланный Тобой,
Да будетъ мнѣ къ Тебѣ ступенью!
Да будетъ на стезѣ земной
Мнѣ шагомъ къ горнему селенью!

МОРЕ СНА.

Мнѣ вѣдомо море, сѣдой океанъ:
Надъ нимъ безпредѣльный просторъ тугъ,
Надъ нимъ лучезарный не катится щитъ;
Но звѣздочка блѣдная тихо горитъ.

Пускай океана невѣдомъ конецъ —
Его не боится отважный пловецъ;
Въ него меня манитъ не занятый блескъ,
Таинственный шопотъ и сладостный
плескъ.

Въ него погружаюсь одинъ, молчаливъ,
Когда настаетъ полупочный приливъ,
И чуть до груди прикоснется волна,
Въ болную вливается грудь тишина.

И вдругъ я на берегѣ — будто знакомъ!
Гляжу и вхожу въ очарованный домъ:
Изъ оконъ мнѣ милыя лица глядятъ
И рѣчи привѣтныя слухъ веселятъ.

Не милыхъ ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Всѣ, всѣ они здѣсь! удержать не могли
Ни рокъ ихъ, ни люди, ни пѣдра земли!

По прежнему льется живой разговоръ;
По прежнему свѣтится дружескій взоръ —
При вѣщемъ сіяніи райской звѣзды,
Забыта разлука, забыты бѣды.

Но, ахъ! предъ зарей наступаетъ от-
ливъ —
И слышится мнѣ неотрадный призывъ —
Развѣлось все — и мерцаніе дня
Въ пустынѣ глухой освѣтило меня.

НА ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО.

Душа моя, ликуй и пой,

Последница небесъ:

Христосъ воскресъ, Спаситель твой
Воистину воскресъ!

Такъ! адъ предъ сильнымъ изнемогъ:

Изъ гробовыхъ веригъ,

Изъ ночи смерти сына Богъ

И съ нимъ тебя воздвигъ.

Изъ свѣта вѣчнаго Господь

Сошолъ въ жилище тьмы;

Облекся въ персть, одѣлся въ плоть,

Да не погибнемъ мы!

Неизреченная любовь

Всѣхъ таинствъ высота!

За насъ свою святую кровь

Онъ пролилъ съ креста.

Частѣйшей кровію своей

Насъ, падшихъ, искупилъ

Отъ мукъ и гроба, изъ сѣтей

И власти темныхъ силъ.

Христосъ воскресъ, Спаситель мой

Воистину воскресъ!

Ликуй, душа: Онъ предъ тобой

Раскрылъ врата небесъ —

НАДГРОБІЕ.

Сажень земли мое стяжанье,

Мнѣ отведенъ смиренный домъ:

Здѣсь спятъ надежда и желанье,

Окованъ страхъ желѣзнымъ сномъ,

Заснули горестъ и веселье;

Безмолвно все въ подземной кельѣ.

И я когда-то зналъ печали,

И я быть счастливымъ и скорбѣлъ,

Любовью перси трепетали,

Уста смѣялись, взоръ свѣтлѣлъ;

Но взоръ и сердце охладѣли:

Растутъ надъ мертвымъ тѣломъ ели.

И ужъ ни кто моей гробницы

Изъ милыхъ мнѣ не посѣтитъ;

Ихъ не разбудитъ блескъ денницы:

Ихъ прахъ въ сырой землѣ зарытъ —

А развѣ путникъ утруженный

Взоръ броситъ на мой гробъ забытый.

Да развѣ сладостной весною,

Гоняся за пестрымъ мотылькомъ,

Дитя безсильною рукою

Столкнетъ мой каменный шлемъ,

Покатитъ, взглянетъ и оставитъ

И въ даль безпечный бѣгъ направитъ.

НАДЕЖДА.

ПУСТЫННИКЪ И НѢСКОЛЬКО ГОРОЖАНЪ.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Отъ веселья мы устали,
Утомилась отъ трудовъ:
Время сбросили печали,
Грузъ заботъ, суетъ и сновъ —
Подъ крыломъ уединенья,
Въ мирной хижинѣ съ тобой
Не живетъ ли вдохновенье,
Свѣтъ, и мудрость — и покой?
Пѣсней, пустынникъ! — Златые перуны
Солнце выводятъ обратно въ лазурь;
Пусть же, подобно, могучія струны
Въ насъ воскресятъ тишину послѣ бурь!

ПУСТЫННИКЪ.

Пѣсней! — но какихъ? Мой голосъ
Въ дряблыхъ персяхъ ослабѣлъ;
Стынешь сердце; рѣдкій волосъ,
Будто снѣгъ нагорный, бѣлъ —
Мнѣ ли пѣть пиры, забавы,
Игры, смѣхъ, шумъ и блескъ?
Мнѣ ли пѣть безумье славы,
Кровь и вопли, стонъ и трескъ?

Пѣсни такія пѣвалъ я, но прежде;
Нынѣ другія, другія пою:
Тихія пѣсни небесной надеждѣ —
Ей посвятилъ я и душу мою.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Ты трепещешь предъ могилой —
Ты не можешь вновь ожить;
Не тебѣ, отшельникъ хилый
Радость и войну хвалить.
Но еще-ль не отлетѣли
Дни, гдѣ рабствовалъ мечтѣ?
Ты стоишь у самой цѣли:
Ты-ль по-нынѣ въ слѣпотѣ?
Скажешь ли: „Тягостно старцу сѣдому
Сбросить, расторгнуть истлѣвшую сѣть?
Ей ли, надеждѣ, призрѣку пустому
Пѣсни на прагѣ ничтожества пѣть?“

ПУСТЫННИКЪ.

Скоры вы и строги дѣти!
Приговоръ вашъ скоръ и строгъ;
Но избѣгнуть этой сѣти
Кто же земнородный могъ?
Всѣхъ владычица надежда:
Царь и пахарь — слуги ей,
Рабъ ей мудрый, рабъ невѣжда,
Рабъ и правый и злодѣй.

Какъ вожделенной, веселой денницы
Свѣтъ изъ-за крова ненастного тучъ,
Такъ даже къ узнику въ бездну темницы
Льется надежды божественный лучъ.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Пусть! — Но, старецъ, не мечта ли
Сей владыка, сей кумиръ?
Ахъ! ему не слѣпота ли
Покорила буйный міръ?
„Счастье тамъ въ туманной дали,
„Смѣхъ и наслажденье тамъ!“
Мы туда — и что-жь? — печали,
Скорбь и боль на встрѣчу намъ.
Цѣлаго міра царица надежда;
Но не равно ли игралица лжи
Пахарь, властитель, мудрецъ и невѣжда?
Міръ не безуменъ ли, старецъ, скажи? —

ПУСТЫННИКЪ.

Други, други! — святотатство
Поклоняться суетѣ!
Чья надежда на богатство —
Да предается нищетѣ:
Гордый ляжетъ онъ на ложѣ,
Уповаемъ обуянъ,
Но пробудится — и что же?
Въ прахъ низверженъ истуканъ!

Идолъ разбитъ справедливой судьбою,
Идолъ, которому бѣдный кадилъ;
Злато разсѣялось вмѣстѣ со тьмою,
Вмѣстѣ съ почными огнями свѣтилъ.

Столь же грѣшенъ шумъ безумный,
Столь же скоро долженъ пасть,
Кто надменностію шумной
Сталъ — и оперся на власть;
Кто, главою дерзновенной
Возвышаясь до небесъ,

Рѣкъ: „Возсяду надъ вселенной!“
Вѣтеръ дунулъ — онъ исчезъ. —
Тѣло его — не орловъ ли добычей,
Снѣдью врановъ и яствою псовъ?
Имя и память не стали ли притчей,
Смѣхомъ и баснею праздныхъ умовъ?

Горе, горе, нечестивый!
„Богомъ будетъ мнѣ мой умъ!“
Такъ вѣщать слѣпецъ кичливый,
Омраченный мглою думъ.
Провѣщалъ — и въ тожь мгновенье,
Какъ зарница, умъ потухъ:
Тьма и ужась, и мученье —
И хохочетъ адскій духъ —
Небылъ ли умъ твой свѣчею невѣрной,
Плачущей ночью надъ тиною блать?

Горе! — погрянулъ ты въ безднѣ без-
[мѣрной!
Горе! ты гибелью жадной объять!

Грѣбеть солнце — и кружится
Насѣкомыхъ легкій рой;
Сядетъ солнце — рой умчится:
Страшенъ холодъ имъ ночью.
Не надѣйся братъ на брата,
Не надѣйся на друзей:
Ты лишился силъ и злата —
Братъ и другъ тебѣ злодѣй.
Если-жъ и душу найдешь между тьмами,
Душу единую — что человѣкъ?
Мы надъ отверстыми ходимъ гробами:
Вѣкъ человѣка, не травки ли вѣкъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Такъ, сѣдой пустыни житель!
Не надежды братъ и другъ:
Мигъ — и гдѣ же покровитель?
Мигъ — и гдѣ-жъ усердье слугъ?
Мигъ — и нѣтъ богатствъ и силы,
И погибли умъ и власть!
Только шагъ намъ до могилы:
Что-жъ? — прельщаться наша часть?
Самъ ты, испытанный жизнью суровой,
Мудрый, постигшии обманъ суеты,

Дряхлый, спуститься въ могилу готовый,
Сердцемъ надеждѣ же служишь и ты!

ПУСТЫННИКЪ.

Ей и въ грозное мгновенье
Не престану я служить,
Какъ расторгнетъ Провидѣнье
Дней моихъ земную нить.
Здѣшній міръ не гореть ли праха?
Но я живъ и безъ конца!
Нѣтъ, не буду жертвой страха:
Смерть не входитъ въ домъ Отца.
Братя, на немъ основать я надежду!
Мнѣ не измѣнитъ надежда моя.
Съ радостью брениую сброшу одежду,
Ризу ничтожную: риза — не я.

Здѣсь, въ юдоли слѣзъ и ночи,
Лучъ надежды мнѣ свѣтлѣть,
Мнѣ живилъ и духъ и очи,
Мнѣ являть иной предѣлъ —
Тотъ предѣлъ, гдѣ исполненье,
Гдѣ снятъ завѣса тьмы,
Гдѣ загадокъ разрѣшенье,
Гдѣ, какъ Огнь, безсмертны мы.
Горный вожатый, надежда святая!
Страннику ты въ лучезарной дали
Путь указала къ предверію дня:
Что при тебѣ испытанья земли!

Оглянусь назадъ — и что же?
 Будто сонъ, прошли онѣ —
 Сонъ, слетающій на ложѣ
 Въ полудночной тишинѣ.
 Но вотъ вскрикнулъ громкій пѣтель —
 Мракъ развѣянъ, сонъ исчезъ;
 Чистъ и радостенъ и свѣтѣль
 Необытный сводъ небесъ!
 Солнце всплыло изъ горящаго моря,
 Гордо подъяло золотое чело:
 Нѣтъ и слѣда пролетѣвшаго горя;
 Въ благо вліялося мнимое зло.

ГОРОЖАНЕ.

Горе тѣмъ, чье упованье
 Суета, и прахъ, и тлѣнь!
 Не легко тому страданье;
 Но и въ скорби тотъ блаженъ,
 Кто надѣется на Бога,
 Кто, смиривъ души раздоръ,
 Къ свѣту горняго чертога
 Возвышаетъ свѣтлый взоръ!
 Онъ и въ семъ мірѣ, мятежномъ и тѣс-
 [номъ,
 Ангеловъ братъ и заранѣ жилище
 Сѣни таинственной въ краѣ небесномъ,
 Гдѣ ему домъ уготовалъ Отецъ.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ.

Вотъ день, въ который для надежды,
 Желаній, страха и скорбей,
 Для чувствъ и думъ открылъ я вѣжды,
 Для испытаній жизни сей;
 Вотъ день, въ который я впервые
 Отверзъ уста свои пѣмъ —
 Ахъ! свѣту плачь былъ мой привѣтъ
 Въ тотъ день когда узрѣлъ я свѣтъ!

И много, много мнѣ печали
 Наставшіе часы и дни,
 Страданья много даровали —
 И темны впереди они!
 Но Богъ отецъ чадолюбивый:
 Мнѣ день и не одинъ счастливый
 Былъ посланъ имъ: благословенъ
 Да будетъ онъ, Господь времени!

Пріялъ я отъ него благое,
 И злаго я ли не приму?
 Мое желаніе слѣпое
 Что можетъ предписать ему?
 Онъ знаетъ пору: ведра, грозы,
 Веселье, горе, смѣхъ и слезы,
 Его святой и дивный рокъ
 Даетъ вселенной въ должный срокъ.

Сгоняют жаръ и мглу съ лазури
И возраждаютъ вновь эфиръ
Всевышнимъ посланныя бури;
Отъ нихъ юнѣсть дряхлый мѣръ:
И какъ онѣ моря и сушу,
Такъ точно бури жизни душу
Подъемлютъ съ гибельнаго сна —
И обновляется она.

Мой путь не путь ли къ совершенству?
И такъ впередъ съ сего же дня,
Безъ страха къ вѣчному блаженству!
Впередъ: мой Богъ ведетъ меня!
Ведетъ изъ края цѣхуленья
Въ священный край упокоенья —
Туда, въ страну своихъ духовъ,
Гдѣ буду чистъ и безъ грѣховъ.

НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА.

Клянемся честию и Черновымъ —
Вражда и брань временникамъ,
Царей трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнѣсть готовымъ!

Нѣтъ, не отечества сыны
Питомцы прищипцовъ презрѣнныхъ!

Мы чужды ихъ семей надменныхъ:
Они отъ насъ отчуждены.

Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ,
Святую ненавидятъ Русь...
Я ненавижу ихъ, клянусь,
Клянусь и честию и Черновымъ!

На нашихъ дѣвъ, на нашихъ жонъ*
Дерзнетъ ли вновь любимецъ счастья
Взоръ бросить полный сладострастья —
Падеть, перуномъ пораженъ.

И прахъ твой будетъ въ посмѣянье!
И гробъ твой будетъ въ стыдъ и срамъ!
Клянемся, дочерямъ и сестрамъ —
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

А ты! братъ нашихъ ты сердецъ —
Герой, столь рано охлажденный!
Взнесись въ небесные предѣлы!
Завиденъ, славенъ твой конецъ!

Дикуй! ты избранъ русскимъ Богомъ
Всѣмъ намъ въ священный образецъ!
Тебѣ данъ проведный вѣнецъ!
Ты будешь чести намъ залогомъ!

1824.

Н О Ч Ь.

Ночь, приди, меня покой
Тишиною и завоеньемъ,
Оболисти меня видѣньемъ —
Отдыхъ дай мнѣ, дай покой!

Пусть ко мнѣ слетитъ во снѣ
Утѣшитель мой ничтожный,
Призракъ быстрый, призракъ ложный,
Легкій призракъ, милый мнѣ!

Незабвенныхъ, дорогихъ
Наслажуся разговоромъ:
Повстрѣчаюся съ ихъ взоромъ,
Уловлю улыбку ихъ!

Предъ мной моя семья:
Позабыты всѣ печали,
Узы будто не бывали,
Будто не въ темницѣ я! —

ОНИ МОИХЪ СТРАДАНИЙ НЕ ПОЙМУТЬ.

Они моихъ страданій не поймутъ;
Для нихъ смѣшонъ унылый голосъ боли,
Которая, какъ червь, таится тутъ
Въ груди моей. Есть силы, нѣтъ мнѣ воли!

Хоть мигъ покоя дайте! нѣтъ и нѣтъ!
Вотъ вспыхнуло: Я вспрыгнулъ — я по-
[зѣть! —

Божественный объемлетъ душу пламень,
Толнятся образы, чудесный свѣтъ
Въ глазахъ моихъ — и все напрасно:
[нѣтъ!

Пронало все! Добро бы съ неба камень
Мнѣ черепъ раздвоилъ, или перунъ
Меня сожегъ: послѣдній трепеть струнъ
Разорванныхъ вздохнулъ бы въ дивныхъ
[звукахъ

И умеръ бы, какъ грома дальный гулъ —
Но я увязъ въ ничтожныхъ, мелкихъ
[мукахъ,

Но я въ заботахъ грязныхъ утонулъ!
Нѣтъ! не страшусь убійственныхъ объ-
[ятій

Огромнаго несчастья: Рокъ — души!
Ты выжмешь жизнь — не выдавишь
[души —

Но погибать отъ кумушекъ, отъ сватей,
Отъ лепета сосѣдей и друзей! —
Не говорите мнѣ: „Ты Прометей!“
Тотъ былъ къ скалѣ заоблачной прико-
[ванъ,

Его терзаль не глухой воробей,
А мощный коршунъ. Былъ я очарованъ

Когда-то обольстительной мечтой;
Я думалъ: кончится борьба съ судьбой,
И съ нею всё земныя испытанья;
Не будетъ сломанъ, устоитъ борецъ,
Умреть, но не лишится воздаянья
И вырветъ на послѣдокъ свой вѣнецъ
Изъ рукъ суровыхъ... Бѣдный я слѣ-
[пецъ!
Судьба беретъ меня изъ стѣнъ моей тем-
[ницы,
Толкаетъ въ міръ (вѣдь я о немъ жалѣлъ!)
А мой то міръ исчезъ, какъ блескъ зар-
[ницы,
И быть нулемъ отнынѣ мой удѣлъ! —

ПАМЯТИ ГРИБОѢДОВА.

Когда еще ты на землѣ
Дышалъ, о другъ мой незабвенный!
А я, съ тобою разлученный,
Уже страдалъ въ тюремной мглѣ,
Зачѣмъ, видѣнемъ принесенный,
Въ оградномъ, благодатномъ снѣ
Тогда ты не являлся мнѣ?
Ужели мало, братъ мой милый,
Я, взятый живою могилой,
Тоскую, думаю о тебѣ?

Когда въ боязненной молбѣ
Слова въ устахъ моихъ коснѣли,
Любезный братъ твой неужели
Безъ слезъ, безъ скорби звалъ къ себѣ?
Вотще я простиралъ объятя,
Я звалъ тебя, но звалъ вотще:
Безильны были всѣ заклатья —
Ты былъ не зримъ моей мечтѣ.
Увы! всего лишь разъ единый
Передо мной въ полночный мракъ
Возсталъ возлюбленный призракъ —
Не въ злой ли часъ твоей кончины?
Но не было глубокихъ ранъ,
Свидѣтелей борьбы кровавой,
На тѣлѣ избраннаго славой
Пѣвца, воспѣваго Иранъ*) —
И — ахъ! — сраженнаго Ираномъ.
Одѣянъ не былъ ты туманомъ,
Не искаженъ и не унылъ,

*) Относится къ поэмѣ Грибоѣдова, схожей по формѣ своей съ „Чайльдъ-Гарольдомъ“. Въ ней превосходно изображена Персія. Этой поэмы, ни гдѣ не напечатанной, не надо смѣшивать съ драмой, о которой упоминаетъ Булгаринъ (т. е. „Горе отъ Ума“).

Примѣч. автора.

Не блѣденъ — нѣтъ, ты ясенъ былъ!
 Ты былъ въ кругу моихъ родимыхъ,
 Тобой незнанныхъ, но любимыхъ,
 Тебя любившихъ, не выдавъ.
 Въ видѣннй оной вѣщей ночи
 Твои свѣтлыѣ были очи,
 Чѣмъ среди смѣха и забавъ
 Въ чертогахъ суеты и шума,
 Гдѣ свой покровъ не рѣдко дума
 Бросала на чело твое,
 Гдѣ ты прикрыть желалъ ее
 Улыбкой, шуткой, разговоромъ —
 Но дружбѣ взоръ орлиный данъ:
 Великодушный твой обманъ
 Орлинымъ открывался взоромъ —
 Такъ, мнѣ однажды только сонъ
 Тебя представилъ благодѣтельный.
 Съ тѣхъ поръ, суровый и упорный,
 Отказывать мнѣ долго онъ
 Привлечь въ обитель испытанья
 Твой духъ изъ области сянья.
 А между тѣмъ мои страданья
 Копились и росли — Но вдругъ
 Ты что-то часто, братъ и другъ,
 Златую предвѣря денницу,
 Спускаться сталъ въ мою темницу.
 Или зовешь меня туда,
 Гдѣ ты, паря подѣ небесами,

Лихуешь съ чистыми духами,
 Гдѣ вѣчны свѣтъ и красота,
 Въ страну покоя надъ звѣздами?
 Или же (много я любилъ!)
 Тѣ, коихъ взоръ и въ самомъ мракѣ,
 Какъ лучъ живительныхъ свѣтилъ,
 Какъ даръ былого, я хранилъ,
 Всѣ, всѣ въ твоёмъ слились зракѣ?

ПОЛНОЧЬ СЪ 31 ДЕКАБРЯ НА 1 ЯНВАРЯ.

Не часовъ ли торный вой?
 Въ бездну ночи роковой,
 Въ гробъ свой старецъ годъ уналъ —
 Чу! гудитъ надъ нимъ металл!

Въ мракѣ колокола звонъ
 Будто надъ могилой стонъ —
 Сколько и утѣхъ и слѣзъ
 Этотъ годъ съ собой унёсъ!

На крылахъ въ нѣмую даль
 Лѣтся радость и печаль;
 Дѣти мы сѣдой земли
 Всѣ потонемъ въ той дали.

Былъ я молодъ и сказалъ:
„Мой житейскій срокъ не малъ!“
Я мечталъ въ своей веснѣ:
„Далеко до цѣли мнѣ.“

Такъ казался безъ конца
Краткій вѣкъ очамъ слѣща!
Вотъ я дряхлости достигъ:
Что же вѣкъ мой? только мигъ!

Вверхъ еще въ жилище бурь
Въ необъятную лазурь,
Вверхъ парить столпомъ сѣдымъ,
А ужъ таетъ легкій дымъ.

Съ крутизны кипитъ жемчугъ,
Блескъ и радуги вокругъ;
Но померкъ въ долину свѣтъ,
Шумъ умолкъ — и пѣны нѣтъ.

Оболющаетъ душу сонъ —
Всходитъ солнце: гдѣ же онъ?
Унесенъ волнами тьмы
Сонъ — и дымъ и пѣна — мы!

Восхищаетъ роза насъ:
Но и роза, вѣдь, на часъ;
Съ ней сравню ли бытѣ?
Вѣтеръ оборветъ ее!

Многоводна, широка,
Пышно катится рѣка —
Смертный, гордый суетой!
Не рѣка ли образъ твой?

Въ ней волна тѣснитъ волну —
Всѣ несутся въ глубину,
Въ море безъ береговъ спѣшать —
Кто же видѣлъ ихъ возвратъ?

Какъ теченье быстрыхъ водъ,
Такъ бѣжитъ за годомъ годъ;
Смотришь — и девятый валъ —
Годъ послѣдній — набѣжалъ.

Да хранимъ же каждый часъ!
Ночь, какъ тать, настигнетъ насъ,
Ночь, нерадостный предѣлъ
Нашихъ замысловъ и дѣлъ.

ПОМИНКИ.

Помянемъ же родимыхъ,
Ушедшихъ въ міръ иной,
Возлюбленныхъ, незримыхъ,
Вкушающихъ покой!

Для нихъ ужъ нѣтъ печали,
Заботы нѣтъ для нихъ —
Мы только, мы отстали
Отъ спутниковъ своихъ.

Ахъ! съ нами не они ли,
Среди надеждъ и сновъ,
И радости дѣлницъ,
И тягости трудовъ?
Ихъ взоръ для насъ унылыхъ
Податель былъ утѣхъ:
Мы все въ объятяхъ милыхъ
Вкушали — плачь и смѣхъ.

И вотъ — надъ ихъ гробами
Стоимъ мы здѣсь одни:
Ужъ нѣтъ любезныхъ съ нами!
Увы! ушли они!
Что вѣкъ нашъ? — сонъ! мечтанье!
Не все ли здѣсь на часть?
Что-жъ вѣчное желанье
Одно не гаснетъ въ насъ?

Найдемъ ли похищенныхъ?
Ихъ погребли мы прахъ;
Поищемъ незабвенныхъ
Въ надоблачныхъ странахъ.
Не тамъ ли совершенство?
Не тамъ ли миръ и свѣтъ?

И царствуетъ блаженство,
И слѣзь и стоновъ нѣтъ?

О, Милосердный, Вѣчный!
Да совершимъ съ Тобой
Мгновенный, скоротечный,
Но скользкій путь земной!
Да узримъ надъ звѣздами
Всѣхъ тѣхъ, которыхъ Ты
Связалъ любовью съ нами —
Въ юдоли темноты!

Не смыла ли ихъ пятна
Спасителя кровь?
Вовѣки необъятна,
Отецъ, Твоя любовь!
Идемъ съ Твоею силою —
Тяжелъ житейскій путь;
Но съ ними за могилой
Ты дашь намъ отдохнуть.

Еще мы не въ пустыни —
Умолкъ не всѣхъ же гласъ —
Не всѣ друзья по нынѣ
Определи насъ — —
Не огорчимъ ни словомъ,
Ни взглядомъ остальныхъ:
Ты, Боже, будь покровомъ
И мертвыхъ и живыхъ!

И мы закроемъ очи
Въ опредѣленный срокъ —
Но средѣ могильной ночи
Зардѣется востокъ:
Насъ встрѣтитъ взоръ любезный,
Увидимъ ихъ въ лучахъ,
И ужъ разлуки слезной
Не будетъ въ небесахъ.

Тоскуемъ мы и страждемъ!
Безсмертія водой,
Водой, которой жаждемъ,
Создатель, насъ напои!
Владыка, вождь, хранитель!
Не дай споткнуться намъ!
Да внидемъ въ ту обитель,
Да будемъ чисты тамъ!

ПОСВЯЩЕНІЕ

ПОЭМЫ: „СИРОТА“ А. С. ПУШКИНУ.

Туда, въ обитель наслажденія
Подъ кровъ, гдѣ ты — не рабъ суетъ —
Любовь, и миръ, и вдохновенія
Изъ жизни черпаешь, поэтъ,
Туда несется мой привѣтъ!
Тамъ ты на якорѣ — и бури
Ужъ не мрачатъ твоей лазури.

За друга и мои мольбы
Горѣ парили къ Пресвятому,
И внять Отецъ и Царь судьбы:
Будь слава промыслу благому!
Изъ грозной, тягостной борьбы
Съ вѣнкомъ ты вышелъ. Что и грому
Грѣмѣть огни? Быль свирѣпъ;
Но ты подъ ревъ его окрѣпъ.

Тотъ, на кого я уповаю
Меня услышитъ! Данъ ты въ честь,
Въ утѣху данъ родному краю;
Въ подругѣ ангела обрѣсть
Умѣлъ ты — и, подобно раю,
Отнынѣ днямъ поэта цвѣсть;
Расторгъ ты козни вѣроломства;
И такъ: впередъ, и въ слухъ потомства

Пролейся въ пѣсняхъ вѣковыхъ!
Талантъ, любимцу небомъ данный,
Въ унылой ночи нѣдръ земныхъ
Да нескроется! — Избранный!
Примѣръ и вождь пѣвцовъ молодыхъ!
Въ эфиръ свободный и пространный
Полетъ тебѣ ли не знакомъ?
Впередъ же, доблестнымъ орломъ!

А я, надеждою одною
На мощь и силу друга смѣль,

Страхусь стремиться за тобою —
 Не свѣтлый выпалъ мнѣ удѣлъ;
 Но, братъ, и я хранимъ судьбою:
 Вотще я грепегаль и мѣлѣтъ;
 Цѣлебна чаша испытанья,
 Восторга не зальютъ страданья.

Еще не вовсе я погасъ,
 Не вовсе пѣсни мнѣ постыли,
 И арфу я беру подъ часъ,
 Изъ гроба вызываю были,
 И тѣло имъ дастъ мой гласъ —
 Мечты меня не позабыли:
 Не пламень, не огонь мой даръ,
 Онъ подъ золою тихій жаръ.

Что нужды? жаръ тотъ благодатенъ:
 Я имъ питаемъ и живимъ!
 И дружбѣ будетъ же пріятенъ
 Смиранный цвѣтъ, рожденный имъ.
 Пусть будетъ голосъ мой невнятенъ
 Сердцамъ, съ рожденія глухимъ —
 Не посвящаю пѣсни свѣту,
 Но сердцу друга — но поэту!

МОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНІЕ.

Замолкъ и меркнетъ вѣщій духъ,
 Не брызжутъ искры вдохновенья,
 Исчезли дивныя видѣнья:
 Въ груди пѣвца восторгъ потухъ.
 Такъ постепенно тише рѣшетъ
 Безъ жизнедатнаго огня
 И остываетъ и чернѣетъ
 Подъ мертвымъ непломъ головня.
 Внимаешь томный слухъ поэта
 Не гулу арфы съ рубежей
 Отчизны истины и свѣта,
 Нѣтъ — свисту и шипѣнію змѣй —
 Обвили чешуей холодной
 Они добычу; жало ихъ
 Надъ нимъ трепещетъ: блѣденъ, тихъ,
 Угрюмъ — безъ жалобы безплодной,
 Слабѣетъ онъ — Вдругъ чихъ-то крыль
 Эфирный шорохъ? Въ бездну ночи,
 Въ безбрежный-океанъ свѣтитъ,
 Спасенья жаждущія очи
 Страдалецъ, молча, устремилъ —
 И се! великій Израиль*)
 Стоитъ предъ нимъ. Въ одно мгновенье

*) Израиль — ангелъ поэзии по персидской мифологіи. *Прим. автора.*

Рассторгъ могущій крѡвы мглы,
 Раздралъ кровавыхъ змѣй узлы
 И сдулъ съ души пѣвца мученье;
 Потомъ вѣшалъ: „Питомецъ мой,
 Какъ сталъ ты жертвою чудовищъ?“
 Еще ли мало надъ тобой
 Изсыпалъ я своихъ сокровищъ!
 Молилъ, взывалъ ты: „Пѣсней мнѣ!
 Въ безсмертномъ, чистомъ ихъ огнѣ
 Всѣ скорби я сожгу земныя.“
 И внялъ я: въ звуки я одѣлъ
 Видѣнья вѣчно молодыя,
 И съ росомъ ихъ къ тебѣ слетѣлъ,
 И такъ повѣдалъ: „Твой удѣлъ —
 И думы, и мечты, и лира;
 Но не желай блаженства міра;
 А да прольешь съ священныхъ струнъ
 Крылатый, радостный перунъ!
 И онъ помчитъ въ хляби дали,
 Разрѣжетъ тучу — и лазурь
 Укажетъ смертнымъ, выше бурь,
 Въ предѣлахъ тѣхъ, гдѣ нѣтъ печали.
 Ты часть свою благословилъ,
 Ты взялъ ее — такъ что же нынѣ
 Ты вдругъ безъ мужества и силъ?
 Или ты измѣнилъ святыхъ?
 Кумирамъ жаждешь ты служить,
 Кадить и нѣтъ и гордыни?“

ПОЭТЪ.

Святыхъ вѣренъ я и нынѣ,
 И мнѣ ли идоламъ кадить?
 Пусть сумрачна моя обитель,
 Пусть дней моихъ уныла нить,
 Но ты со мною, мой хранитель,
 И вновь судьбу благословить
 Готовъ я. Мощный и прекрасный
 Посланикъ изъ страны чудесъ,
 Ты претворяешь, сынъ небесъ,
 Глухую полночь въ полдень ясный:
 Съ тобою бодръ и силенъ я,
 Съ тобою вѣрую въ избранье!
 Но отступишь — опять страданье
 Сжимаетъ душу; грудь моя
 Полна терзанья и сомнѣній,
 И самъ ты, свѣтозарный геній —
 (Прости безумью слѣпоты!)
 Тогда мнѣ кажешься и ты
 Коварнымъ духомъ обольщеній —!
 Или мой жребій не жестокъ?
 Изъ сонма дышащихъ твореній
 Меня не выхватилъ ли рокъ?
 Безъ устали бѣжитъ потокъ
 И дней и лѣтъ — Какого-жъ вѣка?
 Не умъ ли нынѣ человека
 Творить изъ міра міръ иной?
 Что-жъ? непреступною стѣной,

До самой тверди взгроможденной,
Я отдѣленъ отъ всей вселенной.
Нѣмѣетъ слабый гулъ наукъ,
За мой порогъ не пролетая.
Здѣсь, ухо всея поражая,
Часовъ однообразный стукъ
Надъ временемъ насмѣшка злая:
Оно стоитъ. И мнѣ-ль мечтать
Изъ мертвой тѣмы уединенья
Учить живыя поколѣнья
И міру Бога возвѣщать?

И С Ф Р А И Л Ъ.

Ты отдѣленъ отъ суеты,
Отрѣзанъ ты отъ преткновеній —
Жалѣешь о наукахъ ты?
Но, полный и теперь сомнѣній,
Скажи: что было бы съ тобой,
Когда бы легкою душой
Ты несся по порогамъ преній,
Раздравшихъ нынѣ бытъ людской?
Непостоянствъ ликъ науки,
Какъ ликъ измѣчивой души —
Но изъ сердечной глубины
Текутъ одни и тѣ же звуки
И вторятся изъ вѣка въ вѣкъ.
Ихъ слышитъ, какъ сквозь сонъ мятеж-
Дрожить и млѣетъ человѣкъ, [ный,

И рвется въ оный край безбрежный,
Гдѣ все покорно красотѣ,
Гдѣ правда, свѣтъ и совершенство.
Да разгадаешь звуки тѣ!
Вотъ долгъ твой, вотъ твое блаженство!
Богъ — Богъ безмолвія и думъ:
И здѣсь, гдѣ умеръ міра шумъ,
Гдѣ окруженъ ты тишиною,
Не онъ ли предъ твоей душою
Стоитъ, отецъ своихъ дѣтей?
Какъ горный токъ, падающій въ доли,
Такъ въ сердце братій, въ грудь друзей
Излей могучіе глаголы
О немъ, предвѣчномъ, трисвятомъ.
Да совершишь предназначенье —
И по трудѣ въ успокоенье
Онъ призоветъ тебя въ свой домъ.

ПРИ ИСХОДѢ 1841 ГОДА.

Что скажу я при исходѣ года?
Слава Богу, что и онъ ушелъ!
Былъ онъ для изгнанника тяжолъ,
Мрачный, какъ сибирская природа.
Повторять ли въ сотый разъ: „Все тлѣнно,
Все подъ солнцемъ дымъ и суета?“
Не повѣрять! Тѣшить ихъ мечта —
Для людей ли то, что совершенно?

Ноша жизни однозвучной, вялой,
Цѣнь пустыхъ заботъ и мукъ и сновъ,
Глухой стукъ расстроенныхъ часовъ —
Гадки вы душѣ моей усталой.

ПСАЛОМЪ 102.

Благослови, благослови,
Душа моя, Отца Любви!
Все, что во мнѣ живетъ и дышитъ,
Да хвалитъ Бога моего,
И славу имени Его
Вселенна да услышитъ!

Огонь священный, влейся въ грудь!
Душа моя, не позабудь
Несмѣтныхъ божіихъ даяній!
Съ тебя смываетъ всякій грѣхъ
Господь, податель всѣхъ утѣхъ,
Цѣлитель всѣхъ страданій.

Онъ Богъ твой: не погаснешъ ты
И средь могильной темноты!
Щедротами тебя вѣнчая,
Онъ всѣ твои желанья зрѣть;
Во благо, вѣрь, ихъ совершитъ
Его рука святая.

И какъ возносится орелъ,
Который въ небо путь нашель,

И пѣть изъ солнца жизнь и радость —
И ты такъ въ небо воспарилъ
И силой Бога обновилъ
Неблекнущую младость.

Когда и кто постичь возмогъ,
Сколь милостивъ Господь, мой Богъ,
Сколь благъ и дивенъ Вседержитель?
Бездонный океанъ щедротъ
Безсильныхъ, горестныхъ сиротъ,
Гонимыхъ Онъ хранитель.

Неизреченно благъ мой Богъ!
Господней благодати залогъ,
Законъ, ниспосланный любовью,
Законъ святой, источникъ силъ,
Который Божій сынъ скрѣпилъ
Своей чистѣйшей кровью.

Благій низходитъ долго намъ:
Намъ воздастъ не по дѣламъ,
Но по винѣ насъ наказуетъ;
Не держитъ гнѣва до конца:
Да възвѣнши Божія лица —
И Богъ уже не враждуетъ!

Нѣтъ мѣры и предѣла нѣтъ
Щедру, коимъ міръ одѣтъ:
Такъ милосердію нѣтъ мѣры,
Которымъ всюду, всякій часть.

Всевышній окружаетъ насъ —
Къ нему ли быть безъ вѣры?

Надежду на него возложи;
Отстань отъ суеты и лжи,
Отъ беззаконья и порока —
И скорби, что тебя тягчатъ —
Имъ удалятся, какъ закатъ
Отдвинуть отъ востока.

Какъ любящій дѣтей отецъ,
Такъ смертныхъ милуетъ Творецъ.
Онъ знаетъ насъ, онъ помнитъ — кто мы:
Не пепель ли, не прахъ ли мы?
Не всё ли въ ночь могильной тьмы
Съ рожденія влекомы?

Травѣ подобится нашъ вѣкъ,
Какъ цвѣтъ — такъ вянетъ человѣкъ:
Сегодня — живъ, завтра — въ гробѣ;
Исчезли всё его труды —
Онъ былъ ли? нѣтъ уже нужды
Ни дружеству, ни злобѣ.

Могила сынъ, не унывай!
Твой путь земной не путь ли въ рай?
Живетъ его любовь святая
Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца;
Къ творенію любовь Творца
Живетъ, не умирая.

Господни милость и покровъ
Пребудутъ на сынахъ сыновъ
Тѣхъ, коимъ свята власть Господня:
Не небеса-ль его престолъ?
И не Ему-ль подвластны долъ,
И твердь, и пренеподня?

Создатель онъ и царь всего —
Хвалите Бога своего,
Того, кому вы предстоите,
Могущій сонмъ Его пословъ!
Полки Его святыхъ рабовъ,
Царя благословите!

Вы гласу внемлете Его:
Да славословите Того,
Чьи совершаете веленья!
Вы, тьмы и тьми духовъ и силъ,
Вы, рати солнцевъ и свѣтилъ,
Вы — рукъ Его творенья!

Міры и звѣзды пѣснь ему!
Псалмомъ Владыкѣ своему
Да будетъ вся его держава!
Благослови, благослови
Душа моя Отца любви!
Ему во вѣки слава!

ПСАЛОМЪ 143.

Господь мою десницу брани,
И мышцы битвамъ научилъ;
Къ нему воздвигну гласъ и длани:
Благословенъ Податель силъ!

Благословенъ мой Избавитель,
Крушитель броней и забралъ,
Помощникъ мой и Защититель,
Богъ — на него-жъ я уповалъ!

Что человекъ, о Всемогущій?
А на него взираешь Ты
Изъ свѣтлой, неприступной кущи,
Съ небесной тайной высоты!

Ночному мы равны призрѣку,
Ищелъцу изъ жилища тмы,
Весеннему подобны злаку,
Травы скорѣ вянемъ мы.

Всевышній небо преклоняетъ
И — въ буряхъ, молніяхъ и мглѣ —
Средь облакъ путь свой направляетъ
Къ объятый трепетомъ землѣ.

Онъ гнѣвные преклонитъ взоры —
И бездны стонутъ и ревутъ,
Колышутся волнами горы,
Утесы и холмы бѣгутъ.

Простеръ святую съ неба руку —
Исторгъ меня изъ шумныхъ водъ,
Послалъ на грѣшныхъ скорбь и муку,
Сразилъ, развѣялъ злобный родъ!

Ковали хищники крамолы;
Десница лжи, десница ихъ,
Въ устахъ ихъ тщетныя глаголы;
Исчезли въ замыслахъ своихъ —

Прославлю на златой псалтирѣ
Защиту Бога моего:
Пою по бранѣ въ сладкомъ мирѣ,
Пою, ликующей, Его,

Его, дающаго спасенье
И честь, и торжество царю!
Къ тебѣ, Давида заступленье,
Мой Господи, къ тебѣ парю!

Отъ гладнаго меча, Владыка,
Ты твоего раба хранилъ;
Каратель чуждаго языка,
Ихъ гонишь духомъ бурныхъ крылъ.

Ихъ зрѣлъ я: юная дубрава,
Воздвиглись мощные сыны;
Одежда дочерей — блескъ и слава,
Въ красу, какъ храмъ, облачены.

Питаются роскошной паствой
Ихъ многоплодная стада;

Транезы клонятся подъ яствой;
За ихъ виномъ молчить вражда!

Молчить мятежъ и свосвольство,
Окованъ дерзостный разбой —
Ихъ пѣжитъ тучное довольство,
Труды ихъ золотитъ покой.

Грядутъ — и очи къ нимъ подъемлютъ
Пришельцы изъ земель чужихъ;
Восторженнымъ ихъ пѣснямъ внемлютъ
И ублажаютъ долю ихъ!

Но блага грѣшниковъ мгновенны:
Подунетъ вѣтеръ — гибнетъ плоть!
Сыны-жъ Израиль блаженны:
Хранитель нашъ и Богъ — Господь!

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Скажи: совсѣмъ ли мнѣ ты измѣнилъ,
Доселѣ неизмѣнный мой хранитель?
Для узника въ волшебную обитель
Темницу превращалъ ты, Израиль!
Я былъ одинъ покинутъ всѣми въ мірѣ,
Всего страшился, даже и надеждъ —
Бывало же, коснешься томныхъ вѣждъ —
Съ нихъ снимешь мракъ, дашь жизнь и си-
И снова я свободенъ и могучъ: [ду лирѣ —

Растаяли затворы, спали цѣпи,
И, какъ орелъ подъ солнцемъ изъ за-тучъ
Обозрѣваетъ горы, рѣки, степи,
Такъ вижу міръ раскрытый подъ собой,
И радостно, сквозь ужасъ холодной ночи,
Бросаю полные восторга очи
На свитокъ, писанный судьбы рукой!
А нынѣ пали стѣны предо-мною —
Я воленъ; что же? блѣдныя заботы
И грязный трудъ, и вопль глухой нужды,
И визгъ дѣтей, и стукъ тупой работы
Перекричали пѣснь златой мечты,
Смѣли, какъ прахъ, съ души моей видѣнья,
Отняли время и досугъ творить —
И вялыхъ дней безжизненная нить
Прядется мнѣ изъ мукъ и утомленья.

РОСИНКИ.

Сонъ побѣжденный
Съ выси янтарной
Канунъ за лѣсъ:
Шаръ лучезарный,
Око вселенной,
Сердце небесъ,
Всходитъ — и нало
Тьмы покрывало,
Сумракъ исчезъ.

Съ синяго свода
Токи ли злата
Льются на мѣръ?
Съ ложа подъята,
Встала природа,
Сѣла за ширь.
Пышетъ и блещетъ,
Жизнью трепещетъ
Легкій эфиръ.

Сладостный пламень
Горьней пучины
Всюду горитъ:
Холмы, долины,
Море и камень
Мощный живить;
Твердью ли стала
Капля кристалла?
Въ ней его щить!

Въ лонѣ росинки
Слабой, дрожащей,
(Дунешь — и нѣтъ!)
Чуть тяготящей
Чашу былинки —
Слава и свѣтъ,
Тронъ исполина,
Зракъ Властелина,
Дней и планетъ.

Съ ясной лазури
Солнце вѣщало:
„Хляби! валы!
„Мнѣ ли зеркало
„Плѣнники бури,
„Узники мглы?
„Рвите заклѣпы,
„Дики, свирѣпы,
„Рушьте скалы!

„Васъ ли, мятежныхъ,
„Каплѣ смиренной
„Я предпочту?
„Съ странъ безрубежныхъ
„Къ черни надменной,
„Къ вамъ въ темноту,
„Въ бездну, гдѣ грохотъ,
„Скрежетъ и хохотъ
„Я ли сойду?“

Благостный, Вѣчный,
Дивный не въ шумѣ,
Богъ не въ грозѣ:
Нѣтъ — въ тихой думѣ,
Въ глубѣ сердечной,
Въ тайной слезѣ,
Въ скорби незлобной,
Въ дѣвѣ, подобной
Чистой росѣ!

С О В Ъ Т Ъ.

Когда же злая чернь не клеветала?
 Когда же въ грязь не силилась втянуть
 Избранниковъ, которымъ горный путь
 Рука Господня въ небѣ начертала?
 Ты говоришь: „Я одаренъ душой!“
 Зачѣмъ же ты мѣшаешься съ толпой?

Толпѣ безмысленной мое презрѣнье:
 Но сына Лаия почтилъ Гезей;
 Такъ предъ страдальцемъ ты благоговѣй,
 Иль самъ свое поднинешь осужденъе.
 Пѣвцу въ твоёмъ участы нужды нѣтъ;
 Но сожалѣть о тебѣ поэтъ.

Глубокихъ ранъ, кровавыхъ язвъ сердеч-
 [ныхъ
 Миѣ много жадный наносилъ кинжалъ,
 Который не въ рукѣ враговъ сверкалъ —
 Увы — въ рукѣ друзей безчеловѣчныхъ!
 Что-жь? знать во миѣ избытокъ дивныхъ
 [силъ —
 Ты видишь: я тѣ язвы пережилъ.

Теперь я старъ, слабою — но и эту
 Переживу: вѣдь миѣ насущный хлѣбъ
 Терзанья — вѣдь наперстнику судьбъ
 Недаромъ достается путь ко свѣту.

Страдать, терпѣть готовъ я до конца:
 Съ чела святаго не сорвутъ вѣнца.

Умру и смокнусть хохотъ вѣроломства;
 Меня покроетъ чудотворный щитъ,
 Всѣ стрѣлы клеветы онъ отразитъ —
 Смѣются? пусть! проклятіе потомства
 Не минетъ ихъ — осмѣянь былъ же
 [Тассъ —
 Быть-можетъ, тотъ, кто здѣсь стоитъ
 [среди васъ,

Не менѣ Тасса —! Будь же остороженъ,
 Къ врагамъ моимъ себя не приобщай,
 Безчестнаго безсмертья не желай:
 Я слабъ и дряхъ, и темень, и ничтоженъ,
 Но только здѣсь; моимъ злодѣямъ тамъ
 За ихъ вражду награда — вѣчный срамъ.

С О Н Ъ И С М Е Р Т Ъ.

О сонъ безмолвный! благотворный гений!
 Таинственный! — сколь ты могучъ и
 [тихъ!
 Ты царь, и правишь племенемъ видѣннй!
 Тотъ счастливъ, кто въ объятіяхъ твоихъ
 Забвенъе всѣхъ житейскихъ пьестъ вол-
 [неній!

Ты повѣлишь ли, кроткій духъ утѣхъ,
И въ мигъ тоску страдальца смѣнить
[смѣхъ.

Тому, кто разлученъ на вѣкъ съ друзьями,
Священные, родныя имена

Не ты-ль твердишь волшебными устами?
Тобой пустыня вдругъ населена:

На нихъ восторга полными очами
Онъ смотритъ, внемлетъ сладкимъ ихъ
[рѣчамъ,

Ихъ руку жметъ: онъ съ милыми —
[онъ тамъ!

Скажи же мнѣ, мой горній утѣшитель,
Душѣ моей встревоженной открой:

Кто тотъ другой могучій усыпитель,
Тотъ духъ иѣмой и грозный? Братъ
[ли твой?

Его земли мгновенный посѣтитель,
Страшливый гость подъ солнцемъ, чело-
[вѣкъ,

Суровымъ, тяжкимъ именемъ нарекъ —

Твой братъ, или ты самъ, но измѣненный,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, съ завѣшаннымъ
[челомъ?

Готовъ я, зносемъ жизни изнуренный,
Назвать могилу сладостнымъ ордомъ.

Властитель дивный, мракомъ покровен-
[ный,
Поставившій средь ночи свой престолъ!
Да внемлешь мнѣ, да примешь мой гла-
[голь:

Когда закроешь мнѣ на долго вѣжды
И остановишь токъ моей крови,
И снимешь бремя тягостной одежды
Съ раменъ моихъ — тогда ты мнѣ яви
Нетщетными обѣты той надежды,
Обѣты тѣхъ божественныхъ свѣтилъ,
Для коихъ я дышалъ, страдалъ и — жилъ!

ТЕРПѢНІЕ.

Все кругомъ темно и душно,
Твердь заволокло грозой —
Сердце, Богу будь послушно!
Онъ твой Богъ, хранитель твой!
Стрѣлы грома Онъ притупитъ,
Солнце возведетъ на твердь;
Стихнетъ буря, миръ наступитъ,
Изнемогутъ страхъ и смерть.

Ты предалъ ли пенель милый
Друга, свѣта дней твоихъ,

Хладной тѣмѣ нѣмой могилы:
Будь безропотенъ и тихъ!
Сѣятель посѣять сѣмя,
Сѣмя взыйдетъ для жнеца —
Вамъ разлука лишь на время;
Въ домѣ свидитесь Отца!

Возросли ли трудъ и нужды,
Истомилъ ли зной тебя:
Богу скорбные не чужды,
Богу сирыхъ ввѣрь себя!
Онъ и самыя страданья
Посылаетъ въ благо намъ;
Знаетъ мѣру испытанья,
Внемлетъ вздохамъ и слезамъ.

На твою благую славу
Клеветали — черный змѣй,
Льетъ смертельную отраву!
Брось унынье, не робѣй,
Спасу слѣдуй безъ боязни;
Не щадила-жь и Христа
Злоба буйной непріязни!
Посрамится клевета!

„Пусть бы врагъ — но мой гонитель
„Другомъ былъ души моей;
„Хлѣба, думъ моихъ дѣлитель,
„Сынъ мой, братъ мой — мнѣ злодѣй!“

Тяжко — такъ! но все-жь слѣпому,
Все-жь безумному прости;
Съ вѣрой воззови къ благому,
Шествуй по его пути.

Кто, недугомъ пораженный,
Не поднимется съ одра,
Да не ронцетъ, дерзновенный!
Будь душа его бодръ:
Блажь и святъ Непостижимый,
Святъ и блажь его законъ —
Въ чадахъ Бога сынъ любимый
Тотъ, кого накажетъ онъ.

Узникъ горестный — терпѣнье!
Мракъ и ужасъ предъ тобой;
Но не дремлетъ Провидѣнье,
Нѣтъ, не спитъ создатель твой;
Не забылъ тебя Спаситель:
Здѣсь ли тлѣнь твой разрѣшить,
Въ ту ли вознесетъ обитель,
Здѣсь ли, тамъ ли. Онъ твой щитъ —

Здѣсь за теплымъ солнцемъ лѣта
Мракъ убійственной зимы;
Здѣсь огонь златаго свѣта
Гаснетъ средь незапной тѣмы;
Здѣсь то ведро, то ненастье,
То волненье, то покой —

Дымъ и вѣтеръ міра счастье,
Все на время подъ лунной.

Не теряйте упованья:
Здѣсь начало — тамъ конецъ;
Тамъ терѣбнью возданья,
За побѣду тамъ вѣнецъ.
Такъ! за гробомъ отдыхъ вѣчный —
Други, чѣмъ тяжелѣ намъ
Путь земной и скоротечный,
Тѣмъ вѣрнѣ къ небесамъ!

Потерпите Бога, братья!
Васъ, омытыхъ отъ грѣховъ,
Призоветъ въ свои объятья
Онъ, Отецъ своихъ сыновъ.
Потерпите день единый,
Потерпите малый часъ —
Свѣтъ безъ ночи, безъ кончины,
Вѣчность ожидаетъ васъ!

ТѢНЬ РЫЛѢВА.

Въ ужасныхъ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ Іоаннъ,
Въ младенществѣ лишенный богряницы,
Во мракѣ заточенья былъ закланъ
Булатомъ ослѣпленнаго убійцы —

Во тѣмѣ, на узницѣмъ одрѣ, лежалъ
Пѣвецъ, поклонникъ пламенный свободы.
Отторженъ, отлученъ отъ всей природы,
Онъ въ вольныхъ думахъ счастья искалъ.
Но не придутъ обратно дни былые:

Прошла пора надеждъ и сновъ —
И вы, мечты, вы, призраки златые —
Не позлатить желѣзныхъ вамъ оковъ!
Тогда (то не былъ сонъ) во мракѣ темницы
Небесное видѣніе сошло —
Раздался звукъ торжественной цѣвницы —
Испуганный пѣвецъ подъялъ чело:

На облакахъ несомый,
Явился образъ: узнику знакомый:

„Несу товарищу привѣтъ
„Изъ той страны, гдѣ нѣтъ тирановъ,
„Гдѣ вѣченъ миръ, гдѣ вѣчный свѣтъ,
„Гдѣ нѣтъ ни бури, ни тумановъ.
„Блаженъ и славенъ мой удѣлъ:
„Свободу русскому народу
„Могучимъ гласомъ я воспѣлъ,
„Воспѣлъ и умеръ за свободу!
„Счастливецъ, я запечатлѣлъ
„Любовь къ землѣ родимой кровью —
„И ты, я знаю, пламенѣлъ
„Къ отчизнѣ чистою любовью.
„Грядущее твоимъ очамъ

„Разоблачу я въ утѣшенъе —
 „Повѣрь, не жертвовалъ ты снамъ:
 „Надеждамъ будетъ исполненъе!“

Онъ рѣкъ — и безтѣлесною рукой
 Раздвинулъ стѣны, растворилъ затворы —
 Воздвигъ пѣвецъ восторженные взоры —
 И видитъ: на Руси святой
 Свобода, счастье и покой —

1827.

(Шлиссельбургская крѣпость.)

Т Р И Т Ъ Н И.

На дикомъ берегу Онона я сидѣлъ:
 Я, чьей младенческой печали
 Ижора и Нева задумчиво внимали,
 Я (странный же удѣлъ!)
 Кому рукоплескалъ когда-то градь над-
 [менный,
 Соблазни и образецъ, гостинница вселен-
 [ной,
 И кто въ Массилии судьбу народовъ пѣлъ,
 А въ слѣдъ за тѣмъ, влекомый вѣщимъ
 [духомъ,
 Родоначальникомъ неизреченныхъ думъ,
 Средь грозныхъ, мертвыхъ скалъ, скло-
 [нялся жаднымъ слухомъ,

На ревъ и грохотъ водъ, на вѣтра свистъ
 [и шумъ,
 На голосъ чадъ твоихъ, Кавказъ небо-
 [громитель!
 И напоследокъ былъ темницы душной
 [житель —
 Свинцовыхъ десять лѣтъ, какъ въ гробѣ,
 [протекло;
 Однообразный бой часовъ безъ измѣнѣнья,
 До срока инеемъ посыпалъ мнѣ чело,
 Въ глухихъ твердыняхъ заточенья.
 Все обмануло, кромѣ вдохновенья!
 Такъ! и судьбы неумолимый гнѣвъ
 Не отнять у меня любви безсмертныхъ
 [дѣвъ;
 Слетали къ узнику священные видѣнья.
 Что-жъ? въ мѣрѣ положенъ всему пре-
 [дѣлъ:
 За старымъ новое отвѣдалъ я страданье;
 Ужъ нынѣ не тюрьма мой жребій, а
 [изгнанье —
 На дикомъ берегу Онона я сидѣлъ,
 И вотъ раздумывалъ причудливую долю
 Свою и тѣхъ, съ которыми ходить,
 Во дни моей весны, по жизненному полю
 Питомцевъ близкихъ межъ собой свѣ-
 Ихъ духъ отъ скорби опочилъ, [тилъ.
 Но тѣни ихъ, моихъ клеветовъ,

Жертвъ сердца своего, страдальцевъ и
[поэтовъ,

Я вызывалъ изъ дальнихъ ихъ могилъ.
Угрюмый сынъ степей, хранительницъ
[Китая,

Ронталъ утесами стѣсняемый Ононъ,
Волнами тусклыми у ногъ моихъ сверкая,
И, мнилось, повторялъ *изъ* передсмерт-
[ный стонъ —

И, словно факель *изъ* унылыхъ похо-
Горѣла на небѣ луна нѣмая. [ронъ,
Былъ безпредѣльный сонъ на долахъ, на
[горахъ:

Тутъ не спать только я съ своей жи-
[вой тоскою —
Вдругъ — будто арфы вздохъ пронесся
[надъ рѣкою;

Таинственный меня обвѣялъ страхъ;
И что-жь? — то былъ ли бредъ боль-
[ного воображенія,

Или трепещутся и тамъ еще сердца,
И въ-самомъ-дѣлѣ другъ, податель утѣ-
[шенія,

Явиться можетъ намъ, расторгнувъ узы
[тѣбныя?

Почудилися мнѣ родныя три лица!
Я не слыхалъ шаговъ — скользили при-
Воды не возмущая, по водѣ. [видѣнья,

Надъ каждымъ призракомъ дрожало по
[звѣздѣ

И слѣдомъ cadaго была струя мер-
[цанья —

Я вспрынулъ, облитый потокомъ содра-
[ганья

И въ сладостномъ восторгѣ, какъ со сна,
Вскричалъ и произнесъ любовныхъ имена:
„Братъ Грибоѣдовъ, ты? ты, Дельвинъ?
[Пушкинъ, ты ли?“

Взглянулъ: ихъ нѣтъ — они ужъ въ
[даль уплыли!

Вотще я руки простиралъ къ друзьямъ:
Какъ прежде, все померкло и заснуло —
Лишь только что-то будто бы шепнуло:
„Такъ вѣрь же, есть свиданье тамъ!“

УПОВАНИЕ НА БОГА.

На Бога возложу надежду:
Не Онъ ли въ миръ меня одѣкъ?
Не Онъ ли черную одежку,
Худу и скорбь съ меня совлѣкъ?

Мои враги торжествовали —
„Погибни!“ ихъ вѣщаль языкъ.
Но Богъ боговъ на нихъ приникъ:
Злодѣи въ козняхъ обнищали.

Онъ правоту мою явить,
Какъ лучъ полуденный и чистый,
Какъ блескъ безчисленныхъ свѣтилъ;
Воздвигъ меня на холмъ кремнистый
И кровомъ крылъ своихъ покрывъ.

Десницу къ звучному органу
Простру и воскрилюсь душой:
Тебя, мой Боже, славить стану;
Ты мечъ и щитъ и панцырь мой!

Глаголь съ небесъ въ меня вложенный,
Какъ громъ, промчится въ времена —
Дивясь, умолкнуть племена;
Свой слухъ преклонять изумленный
Моря и доль, и вышина.

Гремите же, святые струны,
Предъ Богомъ: онъ хранитъ пѣвца!
Раздайтесь до міровъ конца!
Летите звучные перуны,
Разите гордые сердца! —

Э Л Е Г И Я.

Склонился на руку тяжелой головою
Въ темницѣ сумрачной задумчивый по-
[этъ —

Что такъ очей его погасъ могущій свѣтъ?
Что стало предъ его померкнушою душою?

О чемъ мечтаетъ? Или духъ его

Лишился мужества всего

И палъ предъ неспріязненной судьбою?

„Не нужно состраданья твоего!

Къ чему твои вопросы, холодный зритель

Тоски, которой непонять тебѣ?

Твоихъ ли утѣшеній, утѣшитель,

Онъ требуетъ? Оставь ихъ при себѣ!

Нѣтъ, не ему тужить о суетной утратѣ

Того, что счастьемъ зовете вы —

Равно доволенъ онъ и во дворцѣ и въ хатѣ;

Не послѣдѣли бы власы его главы,

Хотя бы самъ, въ поту лица, руками

Приобрѣталъ свой хлѣбъ за тяжкою сохой,

Онъ былъ бы твердъ подъ бурей и

[грозами,

И равнодушно снесъ бы мразъ и зной.

Онъ не терзается и по златой свободѣ:

Пока огонь небесъ въ поэтѣ не потухъ,

Поэта и въ цѣняхъ еще свободенъ духъ.

Когда-жъ и съ грустью мыслить о

[природѣ,

О божьихъ чудесахъ на небѣ, на землѣ,

О долахъ, о горахъ, о несобьятномъ сводѣ,

О росяхъ, тонущихъ въ вечерней, бѣ-

[лой мглѣ,

О солнечномъ, блистательномъ восходѣ,
О дивномъ сонмѣ звѣздъ златыхъ,
Безчисленныхъ лампадъ всемірнаго чер-

[тога,

Несмѣтныхъ исповѣдниковъ пѣмыхъ
Премудрости, величья, славы Бога —

Не безъ отрады все же онъ:

Въ его груди вселенная иная; [законъ,
Въ ней тотъ же благи тѣ таинственный

Въ ней та же заповѣдь святая,

По коей выше тьмы и золь и облаковъ,
Безъ усталости течетъ великій полкъ міровъ.

Но вѣдаешь ли ты, что сумракъ зна-
[менуется,

Которымъ, будто тучей, облегло

Пѣвца унылое чело —

Увы! онъ о судьбѣ тоскуетъ,

Какой ни Меонидъ, ни Камозанъ, ни Тассъ,

И въ пѣсняхъ и въ бѣдахъ его предтечи,

Не испытали; пламень въ немъ погасъ,

Тотъ, съ комъ не были ему ужасны
[встрѣчи

Ни съ скорбнымъ недугомъ, ни съ хлад-
[ной нищетой,

Ни съ вѣтренной измѣной

Любви, давно забытой и презрѣнной,

Ни даже съ душною тюрьмой.“

Я ЕСМЬ — КОНЕЧНО ЕСТЬ И ТЫ!

Онъ есть! — умолкну лепетанье

Холодныхъ, дерзостныхъ слѣпцовъ!

Онъ есть! я рукъ его созданье;

Онъ царь и Богъ своихъ міровъ.

Въ немъ жизнь, и свѣтъ, и совершенство;

Благоговѣть предъ Нимъ — блаженство:

Блаженство называть Творца

Священнымъ именемъ Отца.

„Не рвися думой за могилу!

„Дѣла, дѣла — вотъ твой удѣлъ!

„Опрись на собственную силу,

„Будь твердъ, и доблестенъ, и смѣлъ.

„Увѣренъ ты въ себѣ единомъ —

„Такъ изъ себя все почерпай:

„И міра будешь властелиномъ,

„И обрѣтешь въ себѣ свой рай!“

Денницы падшаго ученья,

Сліянье истины и лжи!

Мудрецъ! я есмь въ сіе мгновенье,

А былъ ли прежде? мнѣ скажи!

Теперь я мыслю — а давно ли?

И сталъ я отъ своей ли воли?

И какъ изъ недръ небытія

Вдругъ просіяло это „я“?

Владѣй страстями, брось лицемѣрье!
 Повѣдай: радость и печаль,
 Любовь и гнѣвъ, высокомерье,
 И страхъ, и зависть ты всегда-ль
 Смирялъ успѣшно? Крови пламень
 Тушилъ всегда ли? Я не камень:
 Бываю выше суеты,
 Но помощію съ высоты.

Пусть умъ не постигаетъ Бога —
 Что нужды? — Вижу я Его:
Тамъ среди звѣзднаго чертога,
Здѣсь въ глуби сердца моего
 И въ чудесахъ моей судьбины.
 Такъ, буду жить я безъ кончины
 Неразрушимымъ бытіемъ
 Могушимъ, вѣчнымъ — но о Немъ!

Онъ недоступенъ для гордыни,
 Онъ тайна для очей ума;
 Блеснуть быть долженъ лучъ свѣтыни,
 Чтобы расторглась наша тьма —
 И се блеснулъ! — Я вѣсти внимлю:
 Всевышній самъ сошелъ на землю —
 Отецъ духовъ, владыка силъ,
 Богъ въ Сынѣ намъ себя явилъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Воспоминаніе	3
Аргунь	19
Безсмертіе	20
Благодать Господня	24
Блаженство	26
Брату	30
Брату	31
Брату (въ день его именинъ)	34
Вопросы	38
Въ концѣ недѣли	39
Новый Годъ	41
19 Октября 1836 года	43
19 Октября 1837 года	46
Жребій поэта	48
Клѣтъ	50
Къ ***	51
Къ Виктору Гюго	52
Луна	55
Любовь	56
Моей матери	57
Молитва	61
Молитва узника	62
Вечерняя молитва	64
Утренняя молитва	66
Море сна	68
На воскресеніе Христова	70

Надгробіе	71
Надежда	72
На день рожденія	79
На смерть Чернова	80
Ночь	82
Они моихъ страданій не поймутъ	82
Памяти Грибоѣдова	84
Полночь съ 31 Декабря на 1 Января	87
Поминки	89
Посвященіе поэмы „Сирота“ А. С. Пушкину	92
Мое предназначеніе	95
При исходѣ 1841 года	99
Псаломъ 102	100
Псаломъ 143	104
Разочарованіе	106
Росинки	107
Совѣтъ	110
Сонъ и смерть	111
Терпѣніе	113
Тѣнь Рылѣева	116
При тѣни	118
Упованіе на Бога	121
Элегія	122
Я емь — конечно есть и ты!	125

Веймаръ, въ типографіи Г. Ушмана.